Q 124/529

С. Дашинский

Я 124
529

Япония в Манчжурии

партиздат - 1932

246

Я 124/529

С. ДАШИНСКИЙ

ЯПОНИЯ В МАНЧЖУРИИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

39-2943
Библиотека Всесоюзная имени Ленина
ПОГАШЕНО
32-46249
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932

П—503
Р.—А

Ответ. редактор А. Липец
Техредактор А. Лавров
Сдана в производство 7/IV 1932 г.
Подписана к печати 14/VI 1932 г.
Партиздат № 305. Уполн. Главлита В-25480
Форм. бум. 82×110/32 3½ печ. листа; 39 600 зн. в п. л. Тираж 100 000

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1961 г.

720
2832

97/3 — 10 000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Начавшаяся в сентябре 1931 г. война японского империализма против Китая является событием, в котором выявляются многообразные и сложные противоречия современного капиталистического мира. Эта война, выражая стремления японского империализма расширить свое влияние в Китае, обостряет все противоречия среди империалистов на Дальнем Востоке, особенно между Японией и Америкой. В то же время эта война связана со стремлением японского империализма расширить и укрепить плацдармы для борьбы против СССР. Особое значение при этом имеет тот факт, что момент вооруженного выступления был выбран японскими империалистами тогда, когда мировой экономический кризис с новой силой ударил по основам капиталистического хозяйства, когда чрезвычайно обострился денежно-кредитный кризис в Англии, отчасти в САСШ и других государствах, когда во всем капиталистическом мире, в особенности в Центральной Европе (Германия, Польша), выявляется все более сильное обострение классовой борьбы, когда с небывалой глубиной и ясностью обнажается основное противоречие современной эпохи — противоречие между крепнущей страной строящегося социализма — СССР и загнивающим капиталистическим миром. В этих условиях вооруженное выступление Японии в Манчжурии с самого начала оказалось чреватым крупными последствиями международного значения. Оно затронуло и вскрыло все сложные вопросы взаимоотношений империалистических держав не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире, их стремление к разрешению этих противоречий за счет трудящихся масс и за счет СССР и стремление найти капиталистический выход из кризиса.

Особого внимания с нашей стороны требует то обстоятельство, что развитие событий на Дальнем Востоке все больше принимает характер борьбы империалистов против китайской революции и сопровождается антисоветскими провокациями

и что действия японских интервентов в этом направлении находят все более откровенную поддержку со стороны других империалистических держав во главе с Лигой наций. Империалисты все более настойчиво ищут выхода из своих противоречий за счет СССР и за счет трудящихся масс Китая.

Об этом свидетельствует дальнейшее расширение японской интервенции в Манчжурии, особенно же продвижение японских войск к границам СССР, а также кровавые события в Шанхае и других местах Китая и жестокая борьба интервентов с китайским партизанским движением в Манчжурии. Озверелые интервенты жгут китайские деревни, бомбардируют беззащитные китайские города.

Одновременно они усиленными темпами проводят мероприятия по превращению Манчжурии в военный плацдарм против СССР, строят железные дороги, аэродромы, военные склады; через белогвардейцев и подкупленных агентов нового так называемого «независимого» Манчжурского государства (Манчжу-го) стараются прибрать к рукам всю Манчжурию, в том числе и КВЖД, непосредственно угрожая интересам СССР. В последнее время, развязавшись с затеянной ими же шанхайской авантюрой, японские интервенты еще более усилили свою активность в Манчжурии, сосредоточив в ней 100-тысячную армию. Антисоветские провокации империалистов таким образом все больше и больше усиливаются.

Это обстоятельство сигнализирует необходимость бдительности со стороны пролетариата и трудящихся масс СССР и повышения их упорства на фронте социалистической стройки, их выдержки перед лицом антисоветских провокаций империалистов и их готовности отразить всякое нападение враждебных нам империалистических сил.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЯПОНИЯ КАК ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА

В состав японской империи входят: собственно Япония (метрополия)[1], общей площадью в 381,8 тыс. *кв. км*, колония Корея — 220 тыс. *кв. км*, колония о. Формоза — 35,9 тыс. *кв. км* и колония — южная часть о. Сахалина — 36 тыс. *кв. км*. Кроме того Япония владеет по мандату Лиги наций островами в Тихом океане, общей площадью в 2149 *кв. км*, на правах долгосрочной аренды Квантуном — 3462 *кв. км* и полосой Южноманчжурской железной дороги в Манчжурии. Колонии Японской империи составляют более 43% всей площади империи, а население колоний — 25,6 млн. человек, или 28% всего населения империи. Общая численность населения всей Японской империи — 90,3 млн. человек.

В смысле развития хозяйства сама Япония является индустриально-аграрной страной. Против 1914 г. доля сельского хозяйства в общей продукции страны снизилась к 1928 г. с 53,7 до 37,8%, а доля промышленности возросла с 46,3 до 62,2%. Валовая продукция сельского хозяйства с 46,3 до 62,2%. Валовая продукция сельского хозяйства в 1929 г. составляла 4,2 млрд. иен[2], а промышленности — 8,2 млрд. иен. Годы, предшествовавшие мировой войне, и период мировой войны были годами быстрого роста финансового и промышленного капитала. Банковский капитал увеличился с 623 млн. иен в 1913 г. до 2709 млн. иен в 1929 г., резервный капитал банков увеличился с 218 млн. иен до 970 млн. иен, вклады банков — с 2191 млн. иен до 12524 млн. иен. За период с 1913 по 1928 г. общая сумма капиталовложений в промышленность, транспорт, торговлю, банки и сельское хозяйство возросла с 1983 млн. иен до 13161 млн. иен.

---

[1] Метрополия — государство, имеющее колонии.

[2] По паритетному курсу иена равна 96 коп. Сейчас в связи с кризисом курс иены упал на американской бирже на 30%.

Основная масса капиталов вливалась в промышленность, торговлю и банки. В результате валовая ценность продукции обрабатывающей промышленности увеличилась с 1,3 млрд. иен в 1913 г. до 8,2 млрд. иен, валовая ценность продукции горнопромышленности увеличилась с 147 млн. иен до 384 млн. иен. В то же время валовая ценность продукции земледелия уменьшилась с 4 млрд. иен в 1919 г. до 2,6 млрд. иен в 1928 г. Посевная площадь риса, главного продукта земледелия, увеличилась лишь с 3 005 тыс. *га* до 3 176 тыс. *га*.

Но при таком развитии промышленности Япония все же сильно отличается от других буржуазно-капиталистических стран. Япония представляет из себя абсолютную монархию, которая прежде всего опирается, с одной стороны, на феодальный паразитический класс помещиков, с другой же стороны — на хищническую финансовую и промышленную буржуазию, но вместе с тем сохраняет и большую самостоятельность. Огромную роль в ней играет военная клика, которая держит в своих руках армию и флот (имеющие на 50% помещиков в составе офицеров) и широко пользуется этой силой для военных захватов. Роль этой клики дополняется бюрократами, сросшимися с верхушками буржуазии, помещиков и придворной императорской знати.

Характерным для Японии является сравнительно небольшое развитие тяжелой промышленности и в то же время огромное развитие капиталистических монополий.

Сила монополистического капитализма в стране может быть иллюстрирована нижеследующими данными. В Японии имеется 36 тыс. различных предприятий, владеющих капиталом в 12 млрд. иен. Из них 666 предприятий (каждое с капиталом свыше 5 млн. иен), составляющие 1,8% всего числа предприятий, владеют капиталом в 7,6 млрд. иен, или 63,6% всего капитала. В свою очередь из всей суммы капиталов этих крупных предприятий (7,6 млрд. иен) 17 крупнейшим концернам и трестам (каждый с капиталом свыше 40 млн. иен) принадлежит 4,5 млрд. иен, или 59% всего капитала крупных предприятий. Пять крупнейших частных банков Японии — Ясуда, Мицуй, Мицубиси, Сумитомо и Дай-Ити — владеют капиталом в 328 млн. иен и суммой вкладов в 3,5 млрд. иен. Крупным банком является также банк Окура. Нескольким крупнейшим концернам принадлежат колоссальные богатства. Так например концерн Мицуй контролирует 127 крупнейших предприятий с капиталом в 2,3 млрд. иен. Концерн этот контролирует 25% всего японского экспорта и 21% всего импорта, 34% всей внутренней торговли Японии, 19% текстильной промышленности, почти всю бумажную

промышленность, на 60% добычу железной руды и т. д. Концерн Мицубиси, имея мощную финансовую базу — банк Мицубиси с капиталом в 72 млн. иен и суммой вкладов свыше 500 млн. иен, — контролирует сотни предприятий. Ему принадлежит половина акций самой крупной пароходной компании «Ниппон Юсен Кайся», капитал которой равняется 64,2 млн. иен; он владеет большим количеством горных, химических и судостроительных предприятий, торговых складов, страховых компаний. В руках концерна Мицубиси сосредоточена большая часть частных военно-промышленных предприятий (судостроительных, авиационных, химических и т. д.). Концерн Ясуда владеет самым крупным банком в Японии. Капитал всех предприятий Ясуда превышает 350 млн. иен. Концерн Ясуда является самым крупным акционером Южноманчжурской акционерной компании. Эта компания владеет предприятиями с капиталом в 672 млн. иен и контролирует всю экономику Южной Манчжурии. Концерн Сумитомо распоряжается капиталом в 315 млн. иен и владеет крупнейшими в Японии меднопрокатными, кабельными, сталелитейными и судостроительными заводами и горнопромышленными предприятиями. Концерн Фукудзава владеет капиталом в 340 млн. иен, оперируя главным образом в электрической промышленности. Концерн Фурукава владеет капиталом в 60 млн. иен и контролирует ряд предприятий с капиталом в 40 млн. иен. Фурукава является медным королем Японии. Концерн Кухара владеет капиталом в 82 млн. иен.

Но рядом с ростом монополистического капитала в Японии вырос и многочисленный рабочий класс. По официальным данным, в Японии в 1930 г. насчитывалось 4 174 тыс. промышленных рабочих и 4 430 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Этот рабочий класс еще недостаточно организован. Профсоюзы охватывают лишь от 2 до 8% рабочих в различных отраслях промышленности (лишь рабочие транспорта и связи охвачены профсоюзными организациями на 27%). Вдобавок профсоюзы эти раздроблены и по большей части находятся под влиянием социал-империализма и социал-реформизма. Господствующий в стране военно-полицейский террор сильно мешает организации революционного профдвижения. Несмотря на это рабочее движение в Японии находится на подъеме, что выливается в растущую волну стачек: в 1929 г. участвовало в стачках 171 600 рабочих против 80 800 человек в 1928 г.; в 1930 г. (за 8 месяцев) было 1 823 стачки с участием свыше 160 тыс. рабочих. Орудием буржуазного влияния в рабочем классе и социальной опорой буржуазии в ра-

бочем классе является японская социал-демократическая партия, насчитывающая около 50 тыс. членов. Главная ее задача — борьба с растущим влиянием японской компартии, которая существует нелегально с 1922 г. и, несмотря на тяжелые удары белого террора, проводит большую работу по революционной раскачке масс.

В японской деревне не прекращается революционное крестьянское движение, принимающее особенно острые формы на почве вынужденной аренды земли у помещиков безземельным и малоземельным крестьянством (68,8% всего крестьянства) и на почве полуголодного существования и помещичьей кабалы.

Революционное рабочее движение в Японии в сочетании с аграрно-крестьянским движением создает все более и более напряженную внутреннюю обстановку для японского империализма. Трудящиеся массы Японии уже не раз стихийно поднимались на борьбу против гнета и эксплоатации. Одним из наиболее ярких проявлений недовольства масс было движение в 1918 г. в связи с небывалым повышением цен на рис. Это движение, известное под названием «рисовых беспорядков», протекало при большой активности японских рабочих; оно охватило 144 города и перебросилось в деревню; общее количество участвовавших в движении рабочих и крестьян доходило до 10 млн. человек. Движение было зверски подавлено японской буржуазией и военщиной (было предано суду 7 800 человек, из коих многие казнены). В настоящее время, несмотря на свирепствующий в Японии фашистский террор, в массах рабочего класса и трудового крестьянства наблюдается новый подъем революционной активности.

Рост революционного движения рабочих и крестьянских масс самой Японии совпадает с нарастающим движением угнетенных масс японских колоний, особенно Кореи, борющихся за свое освобождение. Все это вместе взятое увеличивает напряженность внутренней обстановки в Японии и толкает японских империалистов на путь военных авантюр.

Планы расширения базы японского империализма за счет новых захватов разработаны им уже давно. Имеются специальные программные документы японского империализма, в которых рисуются проекты создания «великой» Японии (включающей всю Манчжурию, Внутреннюю Монголию и Советское Приморье) и даже «величайшей» Японии, захватывающей Монгольскую народную республику и всю Восточную Сибирь, а также добрую часть Северного и Центрального Китая. Подобного рода программными документами

являются: меморандум барона Танаки (бывш. премьер-министра), поданный им императору в 1927 г., выпущенная в 1931 г. записка генерала Ходзио (командующего японской армией в Манчжурии и Китае), произведения некоего Хирата и др. Сейчас мы являемся свидетелями того, как начинают проводиться в жизнь планы, изложенные в этих документах.

Капиталистическое развитие Японии происходило за счет чудовищной эксплоатации японской буржуазией и помещиками японского рабочего класса и японского крестьянства; еще более чудовищной эксплоатации трудящихся масс колоний и рабочего класса и крестьянства Китая и за счет военных грабежей. В настоящее время заработная плата японских рабочих в три раза меньше, чем заработная плата европейских рабочих. Социальное законодательство и охрана труда отсутствуют. В легкой (особенно) промышленности японские капиталисты в необычайно широком масштабе используют дешевый женский труд, платя женщинам работницам на 50% меньше, чем рабочим мужчинам. Этим объясняется тот факт, что в обрабатывающей промышленности Японии более половины числа рабочих составляют женщины работницы. В широких размерах капиталисты прибегают к таким способам давления на рабочих, как использование мелкого кустарного производства, разного рода «контрактации» рабочих и т. п. Часто применяется казарменный режим для рабочих, особенно в горной и текстильной промышленности. Одним словом положение рабочих в Японии и условия их труда во многом похожи на условия колониальных стран. Но в своих колониях японские капиталисты уплачивают туземным рабочим заработную плату еще более низкую (вдвое меньшую), чем нищенская плата японских рабочих в метрополии. То же и в Китае, где японские капиталисты имеют громадное количество своих предприятий.

Весьма широко японский империализм пользовался и пользуется своим военным превосходством над соседями (особенно над Китаем). Располагая первоклассным военно-морским флотом и вполне современной и хорошо вооруженной армией, Япония получила «монополию военной силы» над более слабыми соседями (на это в свое время указывал и В. И. Ленин). Японский империализм не раз прибегал — и сейчас прибегает — к прямому грабежу Китая, к прямому военному захвату новых территорий, к расширению империалистически кабальной эксплоатации десятков и десятков миллионов рабочих и крестьян Китая. С целью ограбления Китая была предпринята война 1894 г. Полученную от Ки-

тая контрибуцию[1] в 350 млн. иен японский империализм почти целиком вложил в свою промышленность. Захватив в 1905 г. в результате войны с царской Россией Квантунский полуостров и Южноманчжурскую железную дорогу, японский империализм отхватил у Китая территорию громадной ценности и превратил ее в плацдарм своего дальнейшего наступления и эксплоатации. В 1914—1915 гг. японский империализм захватил на территории китайской провинции Шаньдун концессионное имущество германского империализма, созданное за счет эксплоатации китайских трудящихся масс. В 1915 г. Япония пыталась навязать Китаю свои «21 требование», имевшие целью поставить его в положение японской колонии. В период сибирской интервенции японский империализм захватил громадные запасы военного имущества во Владивостоке, купленного царским правительством у союзников на средства русских рабочих и крестьян. Японский империализм в период интервенции в течение ряда лет безнаказанно грабил богатства советского Дальнего Востока. После разгрома Германии Антантой японский империализм ежегодно получает свою долю репараций[2] с Германии.

Путем чудовищной эксплоатации, насилия, грабежа и войн японский капитализм и японское капиталистическое государство сосредоточили в своих руках колоссальные капиталы, создали гигантский промышленный, банковский, транспортный и торговый аппараты, а японские помещики и капиталисты расширили за счет разорения и обнищания крестьянства свои земельные владения, сосредоточив в своих руках более половины всей площади обрабатываемой земли. Львиная доля всех ценностей сосредоточилась в руках нескольких монополистических союзов крупнейших предпринимателей и финансистов.

Наряду с этим в Японии сохранились сильные пережитки и феодального строя. Развитие в Японии монополистического капитализма не уничтожило этих феодальных пережитков, а наоборот, в значительной степени происходило именно на базе этих пережитков.

Феодальные пережитки очень сильно дают себя знать в сельском хозяйстве. Помещики в Японии (крупные, средние и мелкие) владеют 40% всей земли и при том лучшими

---

[1] Контрибуция — уплата деньгами или материальными ценностями возлагаемая победившими странами на побежденных.

[2] Репарации (буквально возмещения) — возмещение убытков путем денежных платежей или передачи соответствующих ценностей; применяется государствами-победителями по отношению к побежденным.

площадями. Сами они, за редкими исключениями, производства на этой земле не организуют.

Земля сдается крестьянам в аренду на кабальных условиях (помещик забирает у крестьян за эту аренду 50—60% его урожая). Таким образом в сельском хозяйстве японская буржуазно-помещичья монархия проводит политику поддержания в деревне полуфеодального строя, политику сохранения паразитического помещичьего землевладения и кабалы крестьянства. Рабочий же класс Японии, как мы видели, посажен на «полуколониальный паек».

В общем современная Япония является страной, где крупнейшие капиталистические тресты и концерны переплетаются с феодальной кликой, где царит власть бюрократии, военщины, помещиков и финансовой олигархии[1] и где в тисках нищеты и каторжного труда страдают десятки миллионов рабочих и крестьян.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В КИТАЕ

Китай представляет особый интерес для японского империализма своими природными ресурсами и промышленным сырьем, в котором так остро нуждаются японские концерны, и крупнейшим рынком мира, ибо население его превышает 400 млн. человек. Особое значение имеет Китай для финансовой буржуазии Японии. В Китае дешевы рабочие руки. Норма прибыли от помещаемых в Китае японских капиталов намного выше, чем норма прибыли от капиталов, помещаемых в самой Японии. Для японского финансового капитала в Китае открываются обширное поле деятельности и перспективы, сулящие миллиардные прибыли. Вот почему в Китай прежде всего устремляются японские капиталы и вот почему Китай как рынок экспорта капиталов является самым главным для империалистической Японии. По этим причинам Япония на протяжении тридцати с лишним лет ведет в Китае захватническую политику, одним из ярких проявлений которой были навязанные Китаю знаменитые «21 требование» в 1915 г., по существу представлявшие собой попытку поставить Китай в полную зависимость от Японии.

[1] Олигархия — государственное устройство, при котором власть принадлежит немногим; олигархия отдельных общественных групп, например представителей финансового капитала.

В настоящее время значение Китая как сферы выгодного применения японских капиталов определяется тем, что сумма японских вложений в Китае достигает 1,8 млрд. иен, а займы — 730 млн. иен, — общая заинтересованность таким образом выражается в громадной сумме в 2,5 млрд. иен. В то время как Китай является основным рынком экспорта японских капиталов, японские вложения в других странах не превышают суммы в 400 млн. иен. Японские капиталы в крупнейших центрах Китая составляют: в Шанхае — 270 млн. иен, в Дайрене — 703 млн., в Циндао — 133 млн., в Мукдене — 50 млн., в Ханькоу — 40 млн., в Тяньцзине — 35 млн. иен и т. д. Проникновение японского капитала в народное хозяйство Китая может быть иллюстрировано следующими данными о распределении японских капиталов по отдельным отраслям китайского хозяйства: железные дороги и порты — 650 млн. иен, горная промышленность — 140 млн., газовые и электрические предприятия — 47 млн., текстильная промышленность — 250 млн., обрабатывающая промышленность — 145 млн., сельское хозяйство и лесной промысел — 66,3 млн., торговля и банки — 419 млн., различные сооружения — 31,7 млн. иен и т. д. Японским текстильным фабрикам в Китае принадлежит 40% всего числа веретен в Китае. Они выпускают 40% продукции хлопчатобумажной пряжи и 50% продукции тканей.

В последние годы (1930—1931) происходит скупка китайских текстильных предприятий японскими предпринимателями, в результате чего количество станков на японских текстильных предприятиях в Китае выросло с 11 467 до 14 300, а количество веретен — с 1 484 тыс. до 1 609 тыс. Использование дешевых рабочих рук и дешевого сырья увеличивает прибыль японских капиталистов только на одну кипу пряжи по сравнению со стоимостью кипы пряжи в Японии на 8—9 иен. Из 22—24 млн. *т* каменного угля, добываемого в Китае, на долю японских угольных копей в Южной Манчжурии и Шаньдуне приходится около 40% всей добычи. Разрабатываемые в Китае железные рудники на 90% находятся под контролем японского капитала. Япония вывозит из Китая 60% добываемой железной руды и 40—60% чугуна. Японский капитал владеет в Китае большим количеством маслобойных, мукомольных, табачных, бумажных, спичечных, стекольных и кирпичных предприятий, контролируя 15—20% продукции этих отраслей китайской промышленности. В Китае работают 14 японских банков с 18 отделениями, в том числе отделения «Мицубиси-банк», «Мицуй-банк», «Иокохама Спеси-банк», «Банк Циндао» и др.

Японскому капиталу принадлежит видное место в морских перевозках Китая. Свыше 27% грузов перевозится японскими судами. Японии принадлежит полностью или контролируется японским капиталом 40% всей железнодорожной сети Манчжурии.

Значение Китая как источника снабжения Японии сырьем усиливается ограниченностью сырьевых ресурсов самой Японии (недостаток железа, коксующегося угля, нефти, олова, цинка, свинца, шерсти, кожи, строевого леса и т. д.) и растущим стремлением японского монополистического капитала использовать значительные сырьевые ресурсы Китая при условиях дешевизны китайского сырья.

Япония ввозит из-за границы: железной руды — 66%, чугуна — 34,4, стали — 27,7, цинка — 64, олова — 84, свинца — 95, алюминия — 95, нефти — 87, хлопка — 99, резины — 98% и кроме того леса — на 100 млн. иен и шерсти — на 110 млн. иен.

Китай является одним из основных поставщиков сырья для японской промышленности, удобрений для сельского хозяйства и частично продовольствия для японского населения. Япония ежегодно ввозит из Китая, помимо железной руды и чугуна (о чем речь была выше): хлопка — на 49 млн. иен, олова — на 3 млн., жмыхов — на 82 млн., шерсти — на 1 млн., бобов — на 60—70 млн., масличных семян — на 20—25 млн., пшеницы — на 10 млн., мяса и яиц — на 12—14 млн. иен, потребляет китайского угля (включая японские предприятия в Манчжурии) 5 млн. *т*. Импорт из Китая составлял в 1929 г. сумму в 376 млн. иен, или почти 17% всей суммы импорта в Японию.

Значение Китая как рынка сбыта японских промышленных товаров огромно. Экспорт в Китай (включая английский порт Гонконг на юге Китая) составлял в 1929 г. 532 млн. иен. Из всей суммы экспорта 35% составляет экспорт текстильных изделий. Китай поглощает 45% всего японского экспорта хлопчатобумажных тканей. Бумага, мыло, спички, эмалированная посуда, стеклянно-фарфоровые изделия, цемент составляют до 15% суммы японского экспорта в Китай; рыба, напитки, американская и манчжурская пшеница — 18% экспорта. Китай является важнейшим рынком для японской легкой промышленности. В последние годы он приобретает важное значение и как рынок для сбыта продукции тяжелой промышленности.

Итак Китай для японского империализма является одновременно важнейшим рынком экспорта японских капиталов, рынком сырья и рынком сбыта промышленных товаров.

Японский капитализм пустил глубокие корни в экономику Китая: он захватил командные высоты в тяжелой промышленности Китая; он фактически контролирует большую часть текстильной промышленности Китая; он охватывает Китай щупальцами своих мощных банков и высасывает из него колоссальные богатства.

Манчжурия, географически прилегающая к владениям Японской империи, в более сильной степени, чем какая-либо другая часть территории Китая, находится в зависимости от японского империализма. Здесь японский империализм настолько прочно обосновался, что даже перестал считать Манчжурию территорией Китая.

МАНЧЖУРИЯ И ПЛАНЫ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Манчжурия является частью Китая, географически соприкасающейся с японской колонией Кореей. Площадь Манчжурии — 1 197,9 тыс. *кв. км*. По площади она почти в два раза больше Японии. Население Манчжурии — 30 млн. человек. Основное занятие жителей — земледелие. Продукты продовольствия составляют 90% всего экспорта Манчжурии. Ежегодная продукция земледелия — около 22—23 млн. *т* различного зерна и бобов, в том числе бобов — 5—6 млн, гаоляна — 5,5 млн., пшеницы — 2 млн., различных сортов проса — 4 млн., риса — 320 тыс. *т*. Ежегодно Манчжурия вывозит на внешний рынок излишков бобов и зерна около 5—6 млн. *т*, т. е. почти 24% всего урожая. Из всей земли, пригодной для земледелия, обрабатывается только немного больше половины. Таким образом Манчжурия имеет большие перспективы развития как продовольственная база и представляет в то же время огромные возможности для эмиграции земледельческого населения.

Включая в себя часть Монголии (Баргу), Манчжурия богата животноводческими ресурсами. В Манчжурии и Внутренней Монголии насчитывается около 16 млн. голов различного скота, из них: 1 млн. голов рогатого скота, 26 млн. овец, 3,8 млн. лошадей и мулов, 900 тыс. верблюдов, 7 млн. свиней и т. д.

Манчжурия имеет колоссальные запасы строевого леса — около 12 млн. *га*.

Манчжурия наконец весьма богата железом, углем, нефтеносными сланцами, золотом и другими ископаемыми. Запасы угля исчисляются в 1,7 млрд. *т*, запасы железа — 400 млн. *т* и запасы нефтеносных сланцев — 5,5 млрд. *т*.

Железных дорог Манчжурия имеет 5 700 *км*, из них находится в распоряжении Японии или управляется японцами совместно с китайцами около 2 200 *км*, принадлежит китайцам 1 710 *км* и находится в совместном управлении Китая и СССР (КВЖД) 1 790 *км*. Существующая железнодорожная сеть далеко не удовлетворяет всех потребностей народного хозяйства Манчжурии. Возможности для железнодорожного строительства в Манчжурии огромные. В этом отношении Манчжурия представляет громадный интерес для империалистических держав как рынок для сбыта рельсов и железнодорожного имущества и как обширное поле для капиталовложений. Если к сказанному добавить, что Манчжурия является огромным резервуаром дешевой рабочей силы, то станет совершенно ясным, какой огромный интерес представляет Манчжурия для японского империализма. Для последнего Манчжурия представляет выгоднейшую сферу применения капиталов, важнейший рынок сырья и рынок для сбыта промышленных товаров и наконец сферу эмиграции для разоренного японским капиталом корейского и японского крестьянства.

Значение Манчжурии как сферы применения японских капиталов определяется тем, что из 1,8 млрд. иен японских прямых инвестиций[1] в Китае (исключая займы) в Манчжурию вложено японскими капиталистами и японской казной 1,4 млрд. иен, или 77% всей суммы вложенных в Китай японских капиталов.

54% этого капитала вложено в компанию Южноманчжурской железной дороги и в предприятия, связанные с нею, как то: железные рудники, угольные шахты, нефтяные разработки, портовые сооружения и т. д. Мощь этого капиталистического концерна характеризуется тем, что он в той или иной степени контролирует около 30% остального капитала, вложенного в Манчжурии. Вся экономика Южной Манчжурии фактически контролируется этим гигантским предприятием. Ежегодная чистая прибыль компании ЮМЖД достигает 45 млн. иен (в 1929/30 г.).

В Манчжурии Япония имеет разветвленную сеть банков, охватывающих своей деятельностью всю экономическую жизнь Манчжурии. Капитал японских банков, оперирующих в Манчжурии, превышает 148 млн. иен, ссуды — 120 млн. иен и вложения банков — 47 млн. иен. Если учесть, что весь капитал китайских банков в Манчжурии составляет лишь одну треть капитала японских банков, то станет ясным,

[1] Инвестиции — вложения капиталов.

что японский капитал занимает господствующее положение в Манчжурии.

Значение Манчжурии как рынка сырья характеризуется следующими данными. Япония ежегодно ввозит из Манчжурии различного продовольствия и сырья на 170—180 млн. иен (не считая ввоза из Манчжурии в японские колонии). Этим далеко не ограничивается роль Манчжурии как рынка сырья для Японии, так как громадное количество сырья потребляется еще японскими предприятиями на месте для нужд ЮМЖД и предприятий, с нею связанных. Япония ежегодно ввозит из Манчжурии: пшеницы — на 4—6 млн. иен, бобов — на 50—65 млн. иен, масличных семян — на 6—7 млн. иен, шкур и кож — на 1 млн. иен, каменного угля — на 26 млн. иен, чугуна — на 8—9 млн. иен, бобовых жмыхов (удобрение) — на 38—40 млн. иен. Япония ввозит также из Манчжурии в Корею громадное количество проса.

Особое значение для Японии имеют манчжурский уголь, железо и нефть. Япония владеет в Манчжурии самыми богатыми месторождениями каменного угля в Фушуне (близ Мукдена), где запас каменного угля превышает 900 млн. *т*. Уголь этот высокого качества. Япония ежегодно добывает в Фушуне 7,5 млн. *т* угля. Из этого количества около 2 млн. *т* вывозится в Японию. В Фушуне Япония владеет также огромным запасом нефтеносных сланцев. Запас этот исчисляется в 5,4 млрд. *т* с содержанием нефти от 6 до 14%. Разработка нефтеносных сланцев уже начата и является вполне рентабельной. Японией захвачены в Манчжурии также самые богатые залежи железной руды (300 млн. *т*) — в Аньшанцзяне. Манчжурия ежегодно дает Японии около 700 тыс. *т* железной руды, что составляет свыше 50% всей добычи железной руды в Японии, Корее и Манчжурии. Сочетание угля и железа дало возможность Японии создать в Манчжурии топливно-металлургическую базу в районе Мукдена. Японские железоделательные предприятия в Аньшанцзяне и Бенсиху дают ежегодно 350 тыс. *т* чугуна. Производительность этих заводов может быть в случае надобности увеличена вдвое. Не довольствуясь этим, японский империализм, заинтересованный в уменьшении своей сырьевой зависимости от заграницы, намерен расширить имеющуюся топливно-металлургическую базу путем постройки в Южной Манчжурии нового мощного металлургического завода «Сева», который должен дать 500 тыс. *т* стали, и путем создания второй топливно-металлургической базы в районе Синцю-Хойрен (восточная часть Гиринской провинции и северный угол Кореи). В районе Синцю имеются

богатейшие залежи каменного угля и нефтеносных сланцев, а в Северной Корее — залежи железа, что обеспечивает благоприятные условия для развития здесь металлургической и химической промышленности.

Большое значение имеет для Японии манчжурский лес, потребление которого в Японии возрастает с каждым годом. Ежегодно Япония ввозит из-за границы более чем на 110 млн. иен леса, который идет на постройку жилищ, для бумажной промышленности и для других промышленных целей. Использование огромных запасов манчжурского леса затрудняется отсутствием железных дорог вблизи лесных площадей.

Не меньшее значение для Японии имеет монгольская шерсть, а также кожи и продукты животноводства. Япония ежегодно ввозит шерсти на 140—150 млн. иен. Отсутствие прямого железнодорожного сообщения с Монголией затрудняет использование животноводческих богатств Монголии, и потому японским капиталистам приходится шерсть ввозить главным образом из Австралии.

Значение Манчжурии как сырьевой и продовольственной базы Японии возрастает в гораздо большей степени, чем значения собственно Китая. В то время как в 1913 г. доля Китая во всем японском импорте составляла 8,4%, а доля Манчжурии — 4,2%, в 1929 г. мы видим иное соотношение, а именно: для Китая — 9,4%, а для Манчжурии — 7,5%. В абсолютной сумме импорт из Манчжурии за это время увеличился более чем в 5 раз, в то время как импорт из Китая увеличился только в 3,4 раза. Это обстоятельство указывает на то, что японский империализм пытается превратить Манчжурию в свою основную внешнюю сырьевую базу.

Вопрос этот имеет колоссальное значение для японского империализма и в военном отношении. В связи с наличием острых противоречий между САСШ и Японией существует угроза вооруженного столкновения между ними. На случай этого столкновения японский империализм хочет обеспечить себе безопасный путь подвоза сырья с Азиатского материка. Этим безопасным путем является лишь путь через Японское море, идущий из северных портов Кореи (Сейсин, Рассин и Юкки). Основной базой питания японский империализм намечает Манчжурию, которая богата именно тем сырьем, которое нужно для войны (уголь, железо, нефть). Отсюда следует, что использование манчжурского сырья имеет не только экономическое значение, но и военно-стратегическое.

Значение Манчжурии как рынка сбыта промышленных

товаров определяется все возрастающим ввозом этих товаров в Манчжурию. Население Манчжурии быстро растет, в ней начинает развиваться промышленность; железнодорожное строительство в Манчжурии также идет быстрым темпом. В связи с этим увеличивается потребность в промышленных товарах, машинах, рельсах, заводском оборудовании и т. п. Экспорт японских товаров в Манчжурию составлял в 1929 г. 124 млн. иен, что дает увеличение по сравнению с 1913 г. в 4 раза.

Значение Манчжурии как сферы эмиграции корейцев и японцев определяется тем, что уже сейчас в Манчжурии проживает около 1,2 млн. корейцев и более 200 тыс. японцев. В Корее ежегодно лишается земли около 200 тыс. корейских крестьян. Лишенные возможности найти себе заработок, эти корейцы представляют для японского капитализма значительную опасность. В собственно Японии количество ежегодно разоряющихся крестьян еще больше, а японская промышленность не успевает впитывать в себя этих крестьян, поэтому деревня переполнена безработными. Эти безработные быстро втягиваются в революционное движение, что вызывает величайшее беспокойство капиталистов и помещиков. Отсюда возникают проекты переселения корейских и японских крестьян в Манчжурию. Японские буржуазные ученые прикрывают эти проекты пресловутой теорией о перенаселении Японии, стараясь доказать, что японскому крестьянству нехватает земли для обработки. Между тем в Японии в действительности имеется около 3 млн. акров земли, пригодной для земледелия, но капиталисты и буржуазное государство не хотят вложить нужных средств для превращения этой земли в пригодное для земледелия состояние. Для капиталистов является более выгодным вложение капиталов в промышленность, чем в земледелие. Проекты переселения крестьян в Манчжурию имеют совсем иную подоплеку, а именно — чисто политическую. Здесь будет небезынтересно привести мнение одного из «пророков» японского империализма — Умагори Кендзиро, автора брошюры «Смело вперед к развитию Манчжурии и Монголии», который в пылу откровенности выдает мысли японских капиталистов. Он пишет: «Сейчас в Японии тысячи безработных блуждают по городам в исступленном состоянии. Эта безработица не есть временное явление, вызванное только кризисом, — это важная социальная проблема. Среди хаотического социального положения блестит только один луч света для нас — безграничные плодородные земли Манчжурии и Монголии». Японский империализм, разоривший де-

ревню, лишивший земли миллионы крестьян, обеспокоен ростом революционных настроений обездоленных крестьянских масс, он боится революционного взрыва в стране и потому видит только один выход из положения: выбросить безработное крестьянство из Японии и Кореи в Манчжурию. Есть и другая сторона этого вопроса. Крупные японские капиталисты, банки и концерны желают прибрать к своим рукам плодородные земли Манчжурии, мечтают организовать на этих землях крупные капиталистические хозяйства и использовать в качестве рабочей силы корейцев. Банки и переселенческие компании, представляя на кабальных условиях ссуды корейцам-переселенцам, получают возможность жестоко эксплоатировать последних и, пользуясь невзносом платежей по ссудам, фактически распоряжаться большими земельными площадями и затем сдавать их в субаренду на выгодных для себя условиях. Для японских империалистов в то же время создаются предлоги для ввода в районы расселения корейцев японских войск и полиции под видом «защиты прав и имущества японских граждан». Эмиграция таким образом преследует и другую цель, а именно захват манчжурских и монгольских земель японскими капиталистами. Лучшим примером этого может служить судьба манчжурской области Канто, граничащей с Кореей. В эту область Япония успела переселить около 400 тыс. корейцев. В результате область Канто превратилась в японскую полуколонию. В Канто имеется японская полиция, несколько японских консульств, из коих главное консульство выполняет фактически функции японского генерал-губернаторства.

Стратегическое значение Манчжурии определяется тем, что она является плацдармом для вторжения в дальневосточные области СССР и в Монгольскую народную республику. С точки же зрения борьбы японского империализма с американским империализмом Манчжурия является единственной надежной и неуязвимой с моря, богатейшей внешней сырьевой и продовольственной базой для Японии. Овладение Манчжурией даст возможность японскому империализму не бояться морской блокады со стороны флота САСШ. Вооружаясь и бешено готовясь к войне с САСШ, японский империализм, слабостью которого является сырьевая зависимость от заграницы, хочет покончить с этой зависимостью и хочет укрепить экономическую базу войны.

Рост революционного движения в Китае и успехи китайской красной армии угрожают интересам японского империализма в Китае и Манчжурии и самому существованию японского империализма. Успехи революционного движения

в Китае неизбежно должны отразиться на политическом состоянии Кореи — самой большой японской колонии. Победоносное строительство социализма в СССР производит сильнейшее впечатление на японский пролетариат. Все это вселяет ужас в сердца японских капиталистов и вызывает у них звериную ненависть к китайской революции и СССР. Готовясь к борьбе с китайской революцией и СССР, японский империализм в первую очередь старается обеспечить себе выгодные стратегические позиции на Азиатском материке — в Манчжурии.

Кризис японского капитализма, усугубляемый мировым экономическим кризисом, утрата всяких перспектив на улучшение экономического положения и осложнение на почве кризиса внутриполитического положения привели японский империализм к выводу, что лишь решение манчжурской проблемы может вывести японский капитализм из того тупика, в который он зашел.

Ключем к решению манчжурской проблемы является прежде всего решение вопросов железнодорожного строительства в Манчжурии. Вот почему японский империализм в течение последнего года упорно нажимал на Китай по этому важнейшему вопросу своей внешней политики. «Сопротивление» Китая японскому железнодорожному строительству в Манчжурии создало весьма напряженную обстановку в Манчжурии.

Содержание японской программы железнодорожного строительства в Манчжурии вкратце следующее. Основным вопросом этой программы является окончание постройки железной дороги Чаньчунь — Гирин — Дунхуа — Хойрен — Сейсин и продолжение этой дороги от Чаньчуня до Далай-Таонань. Упомянутая железная дорога имеет исключительно важное военное и экономическое значение. Стратегическое значение этой железной дороги определяется тем, что она выводит японские войска из порта Сейсин прямо к важнейшему стратегическому рубежу Манчжурии — Большому Хинганскому хребту, сокращая время переброски войск из Японии в район Харбина на 40 часов. Пользуясь этой дорогой, Япония может значительно сократить время на сосредоточение своей армии в Манчжурии. С окончанием постройки этой дороги Северная Манчжурия приковывается к Японии стальным обручем, и одновременно открывается путь дальнейшей экспансии японского капитала в пределы Монголии. Одной из важнейших задач этой дороги явится также подрыв экономического положения КВЖД.

План достройки этой железной дороги тесно увязывается

с постройкой новой железной дороги от Дунхуа на Сейсин (на реке Сунгари). Эта дорога выводит Японию к лесным богатствам северной части Гиринской провинции, к экономическим ресурсам Нижнесунгарийского района и открывает путь японским капиталам и японским товарам в северо-восточную часть Манчжурии. Построив эту дорогу, японский капитал сможет приступить к эксплоатации водной энергии озера Цзин-Боху, мощность которой превосходит 800 тыс. лош. сил. Военное значение дороги определяется тем, что она обеспечивает захват северо-восточной части Манчжурии и выводит японские войска на подступы к границам советского Приморья.

Планом японского железнодорожного строительства предусмотрена также достройка начатой китайцами железнодорожной линии от Цицикара на Сахалян (китайский город, расположенный против нашего Благовещенска на Амуре). Эта дорога доведена до Нехе. Японцы намерены ее продолжить до Мергена и далее до Сахаляна. Дорога эта является естественным продолжением дороги Тоанань — Цицикар. Она имеет весьма важное военное значение как путь для вторжения японских войск в Северную Манчжурию и к границам Амурского района СССР. Экономическое значение этой дороги определяется тем, что она открывает путь японским капиталам и японским товарам в северо-западную часть Манчжурии и в долину реки Нонни.

Помимо указанных трех железных дорог японский империализм намерен достроить железную дорогу от Таонань до Солуня с последующим продолжением этой дороги до Хайлара. Эта дорога явится продолжением железной дороги Сейсин — Донхуа — Гирин — Чаньчунь — Дулай-Таонань. Соединение Хайлара с корейским портом Сейсин явится окончательным завоеванием японским империализмом Северной Манчжурии и Внутренней Монголии.

Железнодорожные проекты Японии, взятые в целом, являются не чем иным, как планом захвата Северной Манчжурии и планом подготовки стратегического плацдарма для дальнейшего наступления японского империализма в направлении советских границ. С проведением этих планов в жизнь японский империализм рассчитывает прочно обосноваться на Азиатском материке и получить новые возможности для своего развития.

КОНКУРЕНТЫ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В КИТАЕ

Захватнические планы японского империализма в Китае однако сталкиваются со стремлениями других империалистических держав, заинтересованных в этой огромной стране как рынке сбыта товаров и выкачки сырья и как сфере вложения своих капиталов. Китай является одним из главных мировых узлов империалистических противоречий. На арене Китая кроме Японии выступают со своими захватническими стремлениями также САСШ, Англия и Франция, отчасти и другие, более мелкие капиталистические государства. Заинтересованность важнейших держав в Китае можно характеризовать следующими данными.

Иностранные займы и капиталовложения в Китае (в миллионах иен).

	Займы	Вложения капиталов	Итого
Япония	512	1 809	2 321
Англия	461	1 432	1 893
САСШ	200	127	327
Франция	202	1	203

Доля держав в импорте Китая (в процентах)

	1913 г.	19 8 г.
Англия с (Гонконгом)	45,8	28,1
Япония	20,4	26,4
САСШ	6,0	17,0

Данные эти показывают огромную заинтересованность Японии, Англии и САСШ в Китае. При этом характерным обстоятельством в экономическом соревновании империалистов в Китае является все возрастающая конкурентная борьба между Японией и Америкой. Английскому экономическому влиянию в Китае в годы мировой войны и после нее был нанесен сильный удар, хотя это влияние все еще очень значительно, в особенности в области капиталовложения. Ослабление позиций британского империализма было использовано Японией и САСШ, причем проникновение последних в Китай становится все более активным. Наблюдавшаяся ранее сдержанность американского империализма в его китайской политике в последние годы сменяется все большей агрессивностью. По этому поводу один из крупных японских экономических журналов пишет: «Следует признать, что Китай, производительные силы которого слабо развиты, жаждет

американских капиталов для создания своей промышленности. То обстоятельство, что американский капитал до последнего времени был несколько осторожен в отношении выбрасываемых на китайский рынок денег, объясняется вовсе не отсутствием интереса со стороны САСШ к Китаю. Осторожность САСШ объясняется беспрерывной войной в Китае и недоверием американских финансистов к милитаристическим правительствам Китая».

Действительно в первые годы после мировой войны капиталы Америки с особой силой устремились прежде всего в Европу и Южную Америку. Зато американская внешняя торговля более широко развивалась за все послевоенные годы в направлении Азии, чем Европы. Доля импорта в САСШ из Азии увеличилась с 16,1% в 1914 г. до 17% в 1928 г., а доля экспорта в Азию — с 6% до 12,8%. В частности особенно бурным был рост американского вывоза в Китай. В этом отношении темпы роста американского импорта превышают японские: доля САСШ в общем импорте Китая увеличилась с 6% в 1913 г. до 17% в 1928 г., в то время как доля Японии увеличилась лишь с 20,4% до 26,4%. Принимая в расчет тот факт, что САСШ ввозят в Китай много товаров через английские и японские фирмы, нужно считать, что фактически размеры американской торговли с Китаем выше, чем это представляется по общим статистическим данным. Таким образом Китай как рынок сбыта товаров играет для американского империализма очень большую роль, и роль эта в дальнейшем будет становиться еще более важной. Не меньшее значение имеет Китай и как возможный рынок экспорта капиталов.

Увеличивающаяся заинтересованность американского империализма в Китае нашла свое выражение в усилении его политической активности за последние годы и в прямой борьбе с японским влиянием в Китае. Американская дипломатия, опираясь на финансовую помощь своих банкиров, за последние годы, в особенности начиная с 1928 г., развила в Китае довольно энергичную деятельность, направленную прежде всего на усиление американского влияния на нанкинское правительство Чан Кай-ши, а через него и на манчжурского властителя Чжан Сюэ-ляна. В частности Америка использовала вооруженное выступление Японии в 1928 г. в провинции Шаньдунь. Выступление это сильно обострило враждебность взаимоотношений между Японией и нанкинским правительством. Оно кроме того вызвало озлобление против Японии во всем Китае и создало неблагоприятную для японского империализма обстановку. Пользуясь этим,

американская дипломатия добилась установления единого фронта между Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-ляном по целому ряду политических вопросов.

Энергичная работа американской дипломатии в Нанкине и Мукдене была одной из причин передачи Мукденом в ведение Нанкина вопросов внешней политики и железнодорожного строительства в Манчжурии. Японские проекты железнодорожного строительства в Китае затормозились. В то же время возник ряд проектов финансирования Америкой китайских проектов железнодорожного строительства в Манчжурии. В печати отмечается проект Северо-восточного китайского комитета железных дорог о заключении займа в Америке в 45 млн. серебряных юаней[1] на постройку железных дорог в Манчжурии. Одна из японских газет, отмечая этот факт, писала: «Если предложенный план будет выполнен, то положение Японии в Манчжурии будет поставлено под непосредственную угрозу, так как она не в состоянии конкурировать с американским капиталом. Американские финансисты, которые бросают завистливые взгляды на Манчжурию как на страну с большими перспективами для железнодорожного строительства, создадут абсолютное господство своего капитала в Манчжурии, а это значит, что Южноманчжурская железная дорога будет сильно потрясена американским капиталом».

Японский журнал «Сина Дзихо» по тому же вопросу писал: «Чжан Сюэ-лян и Чан Кай-ши решили привлечь для осуществления своих железнодорожных планов американский и английский капитал вместо японского. В качестве конкретных мер для осуществления своего плана, направленного против Японии, они решили осуществить следующее: 1) построить железные дороги, которые могли бы конкурировать с ЮМЖД и угрожать ее экономическим интересам, и 2) все нужные капиталы и железнодорожные материалы, необходимые для постройки дорог, получать из Америки».

Американская активность в Китае однако не ограничилась железнодорожными проектами и финансированием китайского железнодорожного строительства. В 1929 г. было достигнуто соглашение между САСШ и Китаем об учреждении воздушного почтово-пассажирского сообщения на территории Китая, подписанное представителем американской авиационной фирмы Вильямом Робертом. В 1930 г. было учреждено американо-китайское транспортное общество с

[1] Юань, или мексиканский доллар, составляет сейчас около 1/3 американского доллара.

капиталом в 10 млн. долл. и начали работу воздушные линии Шанхай—Нанкин—Ханькоу, Шанхай—Кантон, Нанкин—Цзинань и открылись регулярные рейсы на Филиппинские острова. Началась подготовка к открытию воздушной линии Нанкин—Пекин—Мукден. Финансируемая американцами голландская фирма начала постройку порта Хулудао—в непосредственной близости от японского порта Дайрена. К настоящему моменту порт Хулудао уже открыт, хотя не вполне достроен. В Шанхае американцами была построена мощная радиостанция и куплена Шанхайская электрическая станция. Американские фирмы Форд и «Дженерал Моторс» начали финансирование строительства шоссейных дорог в Китае и Манчжурии, открыли целый ряд отделений и увеличили сбыт автомобилей в Китае. Американские банки развернули в Китае сеть своих отделений, а крупнейший американский «Нейшенел Сити-банк» открыл отделение в Манчжурии.

Наблюдая усиливающуюся активность американского империализма в Китае, Япония с особой тревогой взирала на Манчжурию.

Японо-китайские отношения с каждым годом все более и более запутывались и ухудшались. Нанкинское правительство, опираясь на благожелательную позицию САСШ, объявило старый договор с Японией о тарифах недействительным и увеличило пошлины на импортные товары. Одновременно был поднят Нанкином вопрос об отмене экстерриториальности [1].

Эти неудачи японского империализма в Китае в связи с углублением экономического кризиса в самой Японии и отсутствием в ближайшем будущем перспектив на улучшение экономического положения, а также осложнение на этой почве внутриполитического положения послужили для японского империализма толчком к вооруженному разрешению «манчжурской проблемы».

КРИЗИС ЯПОНСКОГО КАПИТАЛИЗМА И ИНТЕРВЕНЦИЯ КАК ПОПЫТКА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Японская интервенция в Китае является ярким примером правильности того прогноза дальнейшего пути развития мирового капитализма, который был дан т. Сталиным на

[1] Экстерриториальность — независимость от действия местных законов.

XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Тогда т. Сталин, касаясь вопроса обострения противоречий капитализма, отметил, что «растущий экономический кризис не может не усилить нажима империалистов на колонии и зависимые страны, представляющие основные рынки сбыта и сырья» [1]. Одновременно т. Сталин отметил, что «теперь никого из капиталистических государств уже не удовлетворяет старое распределение сфер влияния и колоний» [2].

Необычайное усиление агрессивности японского империализма в Китае вызывается глубочайшим кризисом японского капитализма и стоит в теснейшей связи с углублением и дальнейшим обострением мирового экономического кризиса, кризиса всей системы мирового капитализма.

Японский капитализм вступил в полосу мирового экономического кризиса, будучи уже надорванным предшествующей промышленной и финансовой депрессией и развалом сельского хозяйства. После мировой войны японский капитализм обнаружил признаки внутренней гнилости и неустойчивости. Разросшийся за годы войны производственный аппарат японской промышленности работал последние годы с большой недогрузкой. Часть накопленных за время войны капиталов не находила себе применения внутри страны. В промышленности ввиду неполного использования ее производственных возможностей накоплялся мертвый капитал, который давил тяжелым грузом на финансовое положение промышленных предприятий.

На внешнем рынке японский капитализм после мировой войны встретился с ожесточенной конкуренцией соперничающего иностранного капитала и наткнулся на новые таможенные барьеры в Индии, Австралии и других странах. Внутренний рынок и рынок колоний в силу колоссального обнищания деревни и сокращения покупательной способности рабочего класса находился в резком несоответствии с высокопроизводительной машинной индустрией.

Японский капитализм, подчинивший себе сельское хозяйство, не преобразовал его техники, — он способствовал выкачке из сельского хозяйства миллиардных капиталов и дополнил помещичью кабалу гнетом капитала. Колониально-паразитический характер помещичьего земледелия и измельчание крестьянских хозяйств привели сельское хозяйство к состоянию сильного упадка. Еще до наступления мирового экономического кризиса сельское хозяйство Японии было

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 635, изд. 4-е.
[2] Там же, стр. 634.

безнадежно больным, застойным и обнаруживало все признаки хронического кризиса. Наступление японских капиталистов на жизненный уровень рабочего класса, сокращение зарплаты, сокращение числа рабочих на фабриках и заводах и наконец разорение крестьянства колоний еще более сокращали возможности внутреннего рынка.

Финансовый кризис 1927 г., сопровождавшийся банкротством крупнейших банков и потрясением японской валюты, был грозным предупреждением о надвигающейся катастрофе. Японское правительство, поддержав миллиардным кредитом шатающуюся банковскую систему, не надолго отсрочило неминуемую катастрофу. В последней трети 1929 г. японский капитализм, вступивший в полосу мирового экономического кризиса, был потрясен им до самых корней. Началось банкротство мелких и средних банков, усилилась утечка золота за границу, возросла недогрузка предприятий, увеличился мертвый капитал в промышленности, резко сократилась внешняя торговля, пришла в расстройство государственная финансовая система.

1930 г. ознаменовался дальнейшим ухудшением состояния финансов, углублением кризиса внешней торговли, падением цен и кризисом транспорта. В декабре 1931 г. утечка золота из Японии приняла катастрофические размеры, и япония вынуждена была отменить золотой стандарт. Во второй половине 1930 г. разразился острый кризис сельского хозяйства. В 1931 г. кризис продолжал углубляться и расширяться.

В 1930 г. японский экспорт сократился по сравнению с 1929 г. на 31%, а импорт — на 30%. В первой половине 1931 г. экспорт сократился еще на 21,1%, а импорт — на 27,7%. Весь торговый оборот сократился в первой половине 1931 г. на 419 млн. иен. В итоге в первой половине 1931 г. по сравнению с первой половиной 1929 г. экспорт сократился на 40,9%, а импорт — на 52,1%.

Вследствие кризиса сельского хозяйства (падение цен на сельскохозяйственные продукты, трудности сбыта, падение урожайности) покупательная способность крестьянства уменьшилась на 1,5 млрд. иен. Номинальная заработная плата рабочих за 1930 г. понизилась на общую сумму 600 млн. иен, фактическая же покупательная способность рабочего класса упала еще больше, так как рабочего бьет также безработица и повышение розничных цен. В связи с сужением внутреннего и внешнего рынков японская промышленность очутилась в кризисном положении. Еще до начала кризиса японская промышленность работала с недогрузкой в сред-

нем на 15—20%. В 1930 г. продукция промышленности сократилась на 9%, а недогрузка предприятий дошла до 30—35%. В 1931 г. положение промышленности еще более ухудшилось. Нагрузка угольной промышленности дошла до 27% производственной мощности, сталелитейной — до 38%, прядильной — до 68%, а в среднем по всей промышленности — до 50—60%.

В 1930 и 1931 гг. обанкротилось громадное количество мелких и средних предприятий. Только в начале 1931 г. прекратило свое существование свыше тысячи средних и мелких шелкомотальных предприятий. В настоящее время прядильные фабрики стоят по четыре дня в месяц, 18% веретен опечатано. Кризис ударил и по транспорту,—грузооборот железных дорог снизился в 1930 г. на 16%, а в 1931 г. еще на 13,6%.

Финансовое положение Японии в связи с кризисом чрезвычайно осложнилось. Золотой запас Японии уменьшился с 1 168 млн. иен в 1929 г. до 500 млн. иен в конце 1931 г. Национальный долг в 1930 г. увеличился на 4 тыс. млн. иен. Недобор налогов в 1930 г. составил 80 млн. иен. В 1931 г. по бюджету ожидается дефицит в 120—150 млн. иен. По данным фондовой биржи, стоимость ценных бумаг по всей Японии снизилась к 1 июля 1931 г. по сравнению с июлем 1928 г. на 9,4 млрд. иен. Ежегодный доход населения упал с 10,5 млрд. иен в 1926 г. до 6,3 млрд. иен в 1930 г. Количество банков уменьшилось по сравнению с предкризисным периодом с 1 163 до 783, из коих 253 банка — накануне краха.

Кризис поставил в наиболее тяжелое положение сельское хозяйство Японии. По сравнению с январем 1929 г. цены на сельскохозяйственные продукты упали в декабре 1930 г. более чем на 50%. Урожай риса в 1929 г. был на 12% выше, чем урожай 1929 г., а стоимость его была на 500 млн. иен меньше. В то время как сельскохозяйственные продукты упали в цене на 50%, оптовые цены на промышленные товары упали лишь на 25—30%. В 1931 г. коконы скупались за 1/3 цены 1929 г. Кризис сельского хозяйства довел миллионы крестьян до неслыханной нищеты. Задолженность деревни в 1931 г. достигла 5 млрд. иен, увеличившись с 135 иен на один двор в 1911 г. до 720 иен в 1931 г.

С развитием экономического кризиса и его углублением в 1931 г. сильно осложнилось внутриполитическое положение страны. Количество безработных увеличилось с 1,5 млн. человек в начале 1930 г. до 2,5 млн. человек в середине 1931 г. Наступление капиталистов на заработную плату ра-

бочих вызвало рост забастовочного движения. Количество забастовок увеличилось с 1 420 в 1929 г. до 2 289 в 1930 г. В 1931 г. забастовочное движение еще более усилилось. Количество забастовок в первой половине 1930 г. было 728, а во второй половине 1931 г. уже 1 079. Целый ряд забастовок сопровождался кровавыми столкновениями с полицией. В демонстрациях 1 мая 1931 г. участвовало свыше 90 тыс. рабочих, причем в крупных городах эти демонстрации отличались весьма бурным характером (столкновения с полицией, разгром магазинов, редакций газет и т. д.).

1931 г. прошел под знаком обострения классовой борьбы в деревне. Количество конфликтов между арендаторами и помещиками в 1931 г. дало цифру 1 523, что дает увеличение по сравнению с тем же периодом прошлого года на 344 конфликта. Отмечается широкое вовлечение в революционное движение молодежи и женщин и острый характер борьбы между арендаторами и помещиками за землю.

Осложнение на почве кризиса внутриполитического положения заставило японский империализм поспешить с наступлением на Китай, чтобы отвлечь внимание масс от внутренней борьбы, т. е. борьбы с японским капитализмом, к «внешней опасности» и под предлогом этой внешней опасности потребовать новых жертв от рабочего класса и крестьянства для спасения капитализма.

Развитие революционного движения в Китае и успехи китайской красной армии в борьбе против Чан Кай-ши создали весьма мрачные перспективы для японского империализма в Китае.

Гигантский рост китайской революции породил сильнейшую тревогу среди японской буржуазии, боязнь ее за судьбу вложенных в Китай капиталов. Обстоятельство это несомненно имело важнейшее значение и занимает одно из первых мест в числе тех причин, которые привели к вооруженному выступлению японского империализма в Манчжурии.

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В МАНЧЖУРИИ

Ход и характер действий японских интервентов в Китае свидетельствует о планомерности подготовки японским империализмом нападения на Китай. Используя противоречия между отдельными милитаристическими группировками Китая, японский империализм провел непосредственно перед интервенцией две крупных подготовительных военно-поли-

тических операции. В июле—августе 1931 г. при несомненном участии японского генерального штаба было организовано наступление против Чжан Сюэ-ляна 60-тысячной армии бывшего фынюйсяновского генерала Ши Ю-сяна. Ши Ю-сян неожиданно начал наступление на Бейпин и Тяньцзинь. Целью этой операции было отвлечение войск Чжан Сюэ-ляна из Южной Манчжурии в Бейпин-тяньцзиньский район, хотя выступление Ши Ю-сяна было подавлено Чжан Сюэ-ляном, но его операция несомненно достигла своей цели в смысле отвлечения мукденских войск на юг. Из 200-тысячной армии Чжан Сюэ-ляна свыше 40—50 тыс. войск было переброшено из Южной Манчжурии в Бейпин-тяньцзиньский район для отражения наступления Ши Ю-сяна. В этот же примерно период времени Японией были укреплены связи с враждебной Нанкину кантонской группировкой и была оказана последней финансовая и военная помощь (советники, оружие, боеприпасы). Об этом открыто писала китайская и иностранная пресса, и об этом открыто же заявлял Чан Кай-ши. Целью кантонской авантюры было ослабление позиций Чан Кай-ши и создание почвы для новой драки генералов. Для переговоров с Японией в Токио ездил кантонский министр иностранных дел Евгений Чен, который, судя по отзывам японской прессы, дал какие-то заверения и обещания Японии относительно Манчжурии. Одновременно Японией были укреплены связи с ген. Ян Си-шанем и через последнего с ген. Фыном, с которыми Япония повидимому договаривалась о выступлении против Чжан Сюэ-ляна.

Масштаб этой подготовки уже предопределял масштаб будущей интервенции. Теперь является совершенно очевидным, что интервенция имела задачей не только закрепление за Японией Южной Манчжурии и Внутренней Монголии, но и расширение политических и экономических позиций Японии в собственно Китае путем разгрома Чан Кай-ши, что в свою очередь означало удар по американскому влиянию в Китае.

Готовясь к интервенции большого масштаба, японский империализм позаботился о создании «благовидных» предлогов для оправдания будущей интервенции. С этой целью была спровоцирована резня между корейцами в Манчжурии (Вань-пошаньский инцидент), а также был ловко использован случай убийства в Манчжурии неизвестными лицами японского офицера—капитана Накамура. Прямым предлогом для начала военных действий была порча «китайскими» солдатами полотна ЮМЖД у Мукдена. Данные китайской и иностранной прессы не оставляют никаких сомнений в том,

что порча полотна ЮМЖД у Мукдена была организована самими японскими захватчиками. Порча была настолько незначительна, что даже не остановила движения поездов. Однако именно эта порча послужила предлогом и обоснованием для нападения японских войск на китайские войска. Быстрота и одновременность выступления японских войск против китайцев еще раз подчеркнули то, что план нападения был разработан заранее до мельчайших подробностей.

Япония в момент выступления против Китая имела в Южной Манчжурии вдоль ЮМЖД 2-ю пехотную дивизию и 6 батальонов охраны ЮМЖД — всего около 14 тыс. человек войск. В Корее были расположены 20-я и 19-я пехотные дивизии. Части 2-й пехотной дивизии прежде всего устремились на Мукден — политический и военный центр Манчжурии. В Мукдене имелось около 10 тыс. китайских войск. Японские войска напали на китайские войска. В результате китайцы потеряли около 1 тыс. человек убитыми и ранеными. В это время Чжан Сюэ-ляном был отдан приказ китайским войскам «не вступать в бой с японцами и отходить в сторону от ЮМЖД и в сторону от крупных центров». Этот маневр Чжан Сюэ-ляна не спас от разгрома его мукденские и гиринские части. Японское командование решило нанести сокрушительный удар по вооруженным силам Чжан Сюэ-ляна. Так как китайские войска, повинуясь приказам генералов, не стали больше вступать в бой с японцами, то японцы начали их разоружать. В одном Мукдене было разоружено около 7 тыс. китайских войск и около 5 тыс. полицейских. Всего в районе оккупации японцы разоружили 30—40 тыс. китайских войск. Одновременно японцы сжигали казармы китайских войск и склады военного имущества. В Мукдене японские войска захватили военный арсенал, вывезли из него все ценные станки, привели в негодность часть оборудования и остановили работу арсенала. В Мукдене же была захвачена почти вся авиация Чжан Сюэ-ляна в количестве свыше 100 самолетов и свыше 60 бронеавтомобилей и танков. В руки японцев попали все военные склады, запасы оружия и запасы военно-технического имущества мукденской армии. Одновременно с нападением на Мукден японскими войсками было произведено нападение на второй крупный административный, политический и военный центр Манчжурии — Гирин. Сюда была двинута одна пехотная бригада из Северной Кореи. В Гирине японцы повторили мукденскую операцию. Все китайские части, которые не успели уйти из города, были разоружены. С ними вместе была разоружена и китайская полиция. Большая

часть войск, захвативших Мукден, после ликвидации китайских частей быстро продвинулась по ЮМЖД в район Чаньчуня, разоружая по пути китайские части и полицию. Китайские части оказали сопротивление лишь у ст. Каунченцзы и у г. Ниньяна, но, понеся значительные потери, вынуждены были отойти к западу и востоку от ЮМЖД. В направлении на Таонань и на Кайлу японским командованием были посланы специальные отряды: один для захвата железной дороги Сыпингай—Таонань и другой — для захвата линии Сыпингай—Чжецзятунь—Тунляо. На место войск, ушедших из района Мукдена в район Чаньчуня, была двинута одна бригада пехоты из района Сеула (Корея). Специально выделенными отрядами были захвачены порты Антунг, Инкоу и Хулудао. Численность японских войск в Манчжурии в связи с посылкой новых частей из Кореи увеличилась до 22—24 тыс. человек.

При помощи этих войск японское командование в несколько дней захватило все железные дороги, идущие в сторону Большого Хинганского хребта, а также все железнодорожные станции и крупные города Мукденской и Гиринской провинций.

Вторжение японских войск в Южную Манчжурию ознаменовалось разгромом военного и административного аппарата манчжурского правителя Чжан Сюэ-ляна на территории Мукденской, Гиринской и части Хейлунцзянской провинций. Политическая и военная власть на этой территории сосредоточилась в руках японского военного командования и компании ЮМЖД. По соображениям внешнеполитического характера, а также для обмана китайских народных масс оккупантами были назначены на посты возглавляющих местные автономные правительства продажные китайские генералы и чиновники, находящиеся на службе у японского империализма еще с времен Чжан Цзо-лина. По указке своих хозяев — японских генералов и капиталистов — эти опереточные «правители» объявили о независимости Манчжурии от Китая, о неподчинении нанкинскому правительству и о «дружбе» Манчжурии с Японией.

Японские войска, расположенные южнее Мукдена, изолировали Манчжурию от всего остального Китая. Не довольствуясь этим, японский империализм начал операции по окончательному уничтожению влияния Чжан Сюэ-ляна в Манчжурии. Была предпринята воздушная операция против Цзиньчжоу — ставки Чжан Сюэ-ляна. Японские самолеты сбросили около 100 бомб. Вслед за этим японским генеральным штабом было организовано восстание в Тянь-

цзине против Чжан Сюэ-ляна. Были попытки склонить на выступление против Чжан Сюэ-ляна войска Фына и Ян Си-шаня[1]. Японский империализм стремится покончить все счеты с Чжан Сюэ-ляном и отрезать всякую возможность его возвращения в Манчжурию.

В течение декабря 1931 г. японское военное командование сосредоточило в Манчжурии ряд новых военных частей, переброшенных из Японии, и довело численность своей оккупационной армии до 45 тыс. человек.

Главная масса этих войск была брошена против ставки Чжан Сюэ-ляна — г. Цзиньчжоу.

Решительное наступление было начато в двадцатых числах декабря, и 2 января 1932 г. японские войска вошли в Цзиньчжоу, который был оставлен китайскими войсками без боя.

В дальнейшем оккупанты заняли конечный пункт Южной Манчжурии — Шанхайгуань и повели наступление на округ Жэхэ во Внутренней Монголии, встречая сопротивление лишь со стороны партизан.

Однако оккупанты не замедлили еще более увеличить свои силы в Манчжурии и довести их до 65 тыс. со 120 самолетами.

Разрушив военный и административный аппарат Чжан Сюэ-ляна в Южной Манчжурии, японский империализм провел подрывную работу по разрушению военного и административного аппарата в Северной Манчжурии. Для этой цели был организован поход японского ставленника ген. Чжан Хай-пина на Цицикар, а затем и поход самих японских войск и захват ими Цицикара. Для этой же цели были созданы белогвардейские и беломонгольские отряды в районе Таонань и Хайлар для захвата Хайлара. Наконец для этой же цели японцами было организовано в Харбине ядро автономного правительства для Хейлунцзянской провинции во главе с бывшим военным министром Чжан Цзо-лина ген. Чжан Цзинкуем (который уже вступил в должность правителя названной провинции), в Гиринской же провинции оккупанты выдвинули в качестве правителя своего ставленника ген. Си Ся, которому они вернули захваченное в Гирине китайское оружие.

Таким образом японский империализм, захватив военную и политическую власть в южной, восточной и западной части Манчжурии, устремился к тому, чтобы прибрать к ру-

---

[1] Чжан Цзо-лин, убитый в 1928 г., — правитель, Манчжурии; Фын и Ян Си-шань — генералы Китая.

кам политическую и военную власть и на территории Северной Манчжурии, другими словами, он стремится к полному господству над всей Манчжурией.

Вместе с тем, японский империализм начал осуществлять захват и Внутренней Монголии (округа Жэхэ, Чахар и Суйюань) с целью расширить «независимое» Манчжуро-монгольское государство (монархию или республику) во главе с бывшим китайским императором Пу И.

Одновременно японские оккупационные власти передали управление всеми китайскими железными дорогами в Манчжурии японской компании ЮМЖД. Это означает, что японские империалисты уже готовы рассматривать Манчжурию и Внутреннюю Монголию как свою колонию, это означает явное покушение на отторжение их от Китая.

Характерным явлением нужно считать сделку между японскими властями и манчжурскими генералами. В частности ген. Ма, дравшийся с японскими войсками под Цицикаром, вошел в сделку с оккупантами и прекратил против них военные действия. Выявилась также скандальная история с продажей японскими фирмами оружия ген. Ма.

Подобного же рода торг ведется и с ген. Дингао, занимавшим Харбин. По всем данным, эту сделку оккупантам удастся провести. В самой Японии в связи с интервенцией произошла смена правительства. Под давлением придворной клики и военщины правительство Вакацуки, начавшее интервенцию, должно было уйти в отставку, так как даже и этот грабительский кабинет казался оголтелым японским империалистам недостаточно «твердым». К власти пришло правительство наиболее реакционной и воинственной партии японского империализма — сейюкай, в частности имеющее в своих рядах такую империалистическую фигуру, как военный министр Араки. При таком правительстве японская военщина получила возможность еще более распоясаться в своей захватнической деятельности.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В КИТАЕ

Японская интервенция, приведшая к краху Чжан Сюэляна, поставила под знак политического банкротства и Чан Кай-ши, лидера гоминдана и главу нанкинского правительства. Поставленный перед лицом внешней опасности, контрреволюционный гоминдан сложил оружие перед японским империализмом, отказался от защиты Китая от империалистов и ограничился обращением к Лиге наций и к САСШ.

Как известно, это обращение к Лиге наций не внесло никаких изменений в положение. Лига наций продемонстрировала свое равнодушие к мольбам гоминдана и свое покровительство империалистической Японии. Японские войска не только не освободили оккупированной территории, а, наоборот, получили новые подкрепления и обнаруживают намерение оставаться в ней как в завоеванной колонии. Сейчас и они проводят большие военные операции в Северной Манчжурии и готовятся к дальнейшим операциям в Тяньцзиньском районе. Одновременно увеличивается число военных японских судов в портах Китая и на реке Янцзы. Китайские трудящиеся видят полное бессилие гоминдана, полное банкротство его внешней политики и его капитуляцию перед империалистическими державами. Естественное возмущение китайских трудящихся масс, принявшее форму антияпонских демонстраций, жестоко подавляется гоминдановскими палачами. Это угодничество перед империалистическими державами выявляет капитулянтскую роль гоминдана в глазах китайских народных масс. Гоминдан теряет остатки своего влияния даже среди мелкой буржуазии, которая начинает с презрением от него отворачиваться. Цепляясь за власть, гоминдан ищет спасения в опоре на империалистические державы и в первую очередь на САСШ. Для лидеров гоминдана нет иного пути для удержания в своих руках расползающейся власти, кроме одного — пути капитуляции перед империалистами.

Внутреннее политическое положение Китая вселяет в сердца гоминдановцев страх. Три генеральских похода против красных закончились крахом. Советскими районами в Китае охвачена территория в 800 тыс. *кв. км* с населением в 75—80 млн. человек. Из 21 провинции Китая советским движением охвачено 12 провинций в Центральном и Южном Китае. Китайская красная армия господствует в провинции Цзянси и продвигается в соседние провинции. По сообщениям из Бейпина, помещенным в японской газете «Джапань Адвертайзер» от 22 октября 1931 г., положение в Центральном Китае представляется сейчас в следующем виде: «Китайские советы находятся сейчас в более твердом положении, чем когда бы то ни было. Красные войска заняли все районы, покинутые войсками Чан Кай-ши, и распространились на обширную территорию. Красные войска заняты закреплением своих завоеваний. Население приветствует красные войска. Провинция Хунань близка к этому. Иностранные обозреватели соглашаются на том мнении, что красная армия имеет не только поддержку крестьянских и рабочих

масс, но и поддержку значительной части китайского студенчества и интеллигенции». К этому следует добавить, что недавно в Китае происходил съезд советов всех советских районов, давший новый мощный толчок советскому движению.

Красные армии после этого съезда начали и успешно провели ряд операций по расширению советских районов на юге Китая (особенно в провинциях Цзянси, Фуцзянь, Гуандун и Хунань) и по подготовке захвата главного города провинции Цзянси — Нангана, а также важнейшего центра в Китае — Ухана (Ухан — три города: Учан, Ханькоу и Ханьян на р. Янцзыцзян). Успехи красной армии в течение декабря 1931 г. и января 1932 г. привели уже к созданию большого сплошного советского района в провинции Цзянси и соседних с нею провинциях, районах, охватывающих десятки уездов. Гоминдановские войска в борьбе против красной армии показали невысокую боеспособность и целыми дивизиями переходили на ее сторону.

В середине марта милитаристы предприняли новый поход против красной армии в провинциях Цзянси, Гуандун, Хунань, Хубей, Аньхой и Хенань. Этот четвертый поход нанкинцев и кантонцев против красных к маю «захлебнулся» подобно трем предыдущим походам, так как и на этот раз китайская красная армия выявила свою стойкость и боеспособность. Но четвертый поход характерен в другом отношении: он говорит о том, что внутренняя опасность для гоминдана несомненно страшнее, чем внешняя. В целях организации борьбы с революционным движением гоминдан идет на сделку с империалистическими державами, тем более что это практиковалось и раньше. Японская пресса сообщает весьма интересные данные о прошлой деятельности Чан Кай-ши в связи с теми обвинениями, которые Чан Кай-ши выдвигал против кантонских лидеров, поддерживающих связь с Японией. Газета «Харбинское время», издающаяся на деньги японского оккупационного штаба, сообщает, что «Чан Кай-ши в 1927 г., когда он на некоторое время покинул политическое поприще и специально выехал в Японию, обратился к тогдашнему премьеру — барону Танака с обещанием, что если Япония окажет поддержку и помощь Чан Кай-ши, то Манчжурия будет предоставлена на полную волю Японии». В 1929 г. Чан Кай-ши, когда создалась угроза вторжения в Шаньдунь войск ген. Фын Юй-сяна, обратился к Японии с самой настойчивой просьбой не уводить из Шаньдуня находившиеся там в это время японские экспедиционные войска.

Эти разоблачения японской прессы весьма знаменательны. Они рисуют действительный облик лидеров гоминдана, не останавливающихся для собственного своего спасения перед предательством интересов Китая.

Последние сообщения из Китая говорят о том, что, несмотря на помощь и поддержку со стороны американского империализма, положение Чан Кай-ши в корне подорвано. Начавшиеся ранее переговоры Чан Кай-ши с кантонскими лидерами о передачи власти Чан Кай-ши кантонцам привели к уходу Чан Кай-ши с поста главы нанкинского правительства. Однако вскоре после своего «ухода» Чан Кай-ши вновь вернулся в Нанкин и получил пост члена совета при правительстве, а теперь снова является главкомом нанкинских войск.

Эти дипломатические маневры, проводимые при несомненном американском влиянии, сопровождаются военными мероприятиями, чреватыми новой войной между милитаристами.

Милитаристические группировки Китая временно прекратили военные действия. Они разыгрывают комедию мира, стараясь обмануть народные массы Китая, но это временное перемирие несомненно скоро кончится.

Уже сейчас северные генералы — Хан Фу-цюй, Фын Юй-сян, Ен Си-шань и другие под видом похода «за освобождение Манчжурии» готовят разгром Чжан Сюэ-ляна, причем эта подготовка происходит при прямом участии японских интервентов. Китай таким образом стоит на пороге новой междуусобной войны генералов, которая наруку империалистам Японии, Франции, Англии и САСШ, так как может облегчить раздел Китая между империалистическими державами.

Капитуляция гоминдана перед империалистическими державами и полная его неспособность справиться с внешнеполитическими затруднениями заставляют рабочие и крестьянские массы Китая взять дело борьбы с империалистическими державами в свои руки. По всему Китаю ширится антиимпериалистическое движение. Рабочие китайцы, работающие на японских фабриках в Китае, тысячами покидают эти фабрики. Китайские кули отказываются грузить японские грузы на суда. Население все больше отказывается покупать японские товары. В крупных центрах Китая антияпонское движение принимает грозные для японского империализма формы.

Китайская внутренняя контрреволюция оказалась не в состоянии помешать этому росту антияпонского движения.

В результате это движение нанесло жестокие удары по экономическим интересам японского империализма в Китае. Японская торговля с Китаем за время интервенции сократилась на 64% по всему Китаю, а по Внутреннему Китаю — даже на 80—90%. Один из важнейших предметов японского вывоза в Китай — текстиль давал следующие обороты: в сентябре — 4,5 млн. иен, в октябре — 1,5 млн., в декабре ввоз текстиля из Японии в Китай совершенно прекратился. Аналогичная картина наблюдается с сахаром и с другими товарами. Такое падение японской торговли вызвало застой и в использовании японского торгового флота. В марте 1932 г. около 900 японских пароходов за отсутствием грузов стояли на приколе. Создалось такое положение, что японские товары катастрофически стали вытесняться с китайского рынка. На их место потекли американские и английские товары, японские же товары в свою очередь устремились... в Индию, где проводится бойкот английских товаров.

Интервенция, начатая сравнительно небольшими силами, превращается в большую войну, в которую втянуто больше половины японской армии и флота. Все труднее становится и проблема обеспечения «спокойствия» тыла действующих японских войск, — на захваченных территориях все шире разрастается партизанское движение. В этих условиях интервенция становится предприятием весьма опасным для всех империалистов, ибо она толкает трудящиеся массы Китая на путь революционного противодействия всем империалистам и захватчикам Китая. Интервенция в то же время все глубже разлагает лагерь китайской контрреволюции и ускоряет приближение полного краха и политического банкротства правящей нанкинской клики.

Недаром гоминдановским дельцам приходится обращаться к такого рода увертюрам, как распускание ложных слухов о якобы предстоящем возобновлении дипломатических отношений нанкинского (теперь «лоянского») правительства с СССР. В действительности конечно слухи эти являются не чем иным, как маневром, рассчитанным на обман трудящихся масс Китая. Маневр такого рода не может в чем-либо изменить действительную контрреволюционную и прислужническую сущность роли гоминдана по отношению к иностранному империализму. Но этот маневр достаточно характерен с той точки зрения, что свидетельствует о невозможности для китайской буржуазно-феодальной милитаристической клики управлять трудящимися массами при помощи старых методов.

ШАНХАЙСКАЯ АВАНТЮРА ЯПОНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

Начатая в конце января 1932 г. шанхайская военная операция Японии теснейшим образом была связана со всеми теми факторами, которые обнаружились в Китае в связи с японской оккупацией Манчжурии. Гигантский размах бойкотистского антияпонского движения, громадный рост советского движения, блестящие успехи красной армии, общий подъем национально-освободительных настроений в широких массах рабочих, крестьян, а отчасти и в среде мелкой городской буржуазии и интеллигенции — создавали опасную угрозу для японских интервентов. Вместе с тем обострение империалистических противоречий в связи с оккупацией Манчжурии Японией толкало последнюю на то, чтобы отвлечь внимание держав от манчжурской проблемы и явочным порядком поставить в порядок дня реализацию давнишнего своего плана о разделе Китая. Все эти обстоятельства привели японских империалистов к решению о военном захвате важнейшего торгово-промышленного центра в Китае — Шанхая.

Японские интервенты были убеждены в том, что эта новая военная операция удастся им необычайно легко. Им казалось, что достаточно японскому военному флоту появиться в водах Шанхая, как гоминдановщина капитулирует и примет все условия завоевателей. В связи с такой уверенностью в легкой «победе» японское правительство отвергло предположение своего военного министра относительно посылки в Шанхай сразу же значительного количества сухопутных войск и приняло предложение морского министра о том, чтобы ограничиться только посылкой флота и высадкой небольшого десанта морской пехоты.

Нужно сказать, что японские интервенты совершенно правильно оценили капитулянтскую позицию гоминдана; они не ошиблись в том, что с этой стороны сопротивления ждать нечего. Чан Кай-ши и все нанкинское правительство приняли наглые требования японского морского командования, а когда последнее, невзирая на это, все же произвело высадку 1 500 моряков и двинуло их на Чапей (китайская часть Шанхая), то нанкинцы приказали своим войскам — 19-й кантонской армии, находившейся в Шанхае, — начать отход.

Однако интервенты и гоминдановцы недооценили силу подъема национально-освободительных настроений в Китае. Под влиянием этого подъема само население (рабочие, сту-

денты и часть мелких торговцев) начало оказывать сопротивление японскому десанту. Этот почин вызвал подъем и в рядах 19-й армии, которая вопреки капитулянтскому приказу нанкинского командования остановилась и отразила наступление интервентов. Через день-два после начала боев японский десант был совершенно выбит из Чапея и понес большие потери. Началась упорная позиционная война на шанхайском фронте. Со стороны Японии здесь было в конце концов сосредоточено 75 тыс. войск (4 дивизии, 200 самолетов, свыше 200 сухопутных орудий, танки и свыше 40 военных кораблей). Все эти силы действовали на фронте шириной в 18 *км* (Чапей—Усун), но в течение месяца японцы не могли добиться никаких результатов, несмотря на многократные атаки китайских позиций. Против нее действовала гораздо более слабая технически 35-тысячная 19-я армия (3 дивизии), к которой затем присоединились еще две дивизии.

Однако Чан Кай-ши систематически саботировал оборону 19-й армии, не посылал ей нужных подкреплений, не снабжал боевыми припасами. Одновременно с этим в тылу 19-й армии постоянно шли слухи и разговоры о мире или перемирии. Нанкинское правительство заботилось главным образом о том, чтобы как можно быстрее капитулировать и сговориться с интервентами, но сделать это так, чтобы не «потерять лица», не дискредитировать себя в глазах широких масс открытым предательством.

При таких условиях 19-я армия в начале марта, не будучи разбитой, отошла вследствие предательского приказа правительства и командования от своих шанхайских позиций на 50—60 *км* к западу от Шанхая. Началась нудная канитель переговоров между Нанкином и державами. Вследствие глубоких противоречий между Японией и Америкой переговоры по шанхайскому вопросу тянулись очень долго, вплоть до мая 1932 г. Но в течение всех переговоров было ясно одно, что главной заботой империалистов и китайской гоминдановщины является достижение соглашения за счет трудящихся масс Китая и за счет СССР.

На этой основе было достигнуто соглашение, согласно которому Япония (под давлением Америки и в связи с общими планами империалистических держав) увела большую часть войск из Шанхая... в Манчжурию, а в Шанхайском районе оставила (у устья р. Янцзы) крупные полицейские силы и отдельные отряды войск и морской пехоты. Вместе с тем готовится разгром китайской революции объединенными силами внутренней китайской контрреволюции и капи-

талистических интервентов. Готовится также и сделка за счет СССР, за счет перенесения наибольшей активности японских империалистических завоевателей на север, в Северную Манчжурию и на советский Дальний Восток. Такие намерения империалистов свидетельствуют о том, что интервенция все продолжает расширяться, и сейчас видеть ее конец совершенно невозможно.

ОТНОШЕНИЕ ДЕРЖАВ К ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Японское выступление в Манчжурии произошло в тот момент, когда в развитии мирового экономического кризиса обозначилась новая полоса финансово-кредитного кризиса. Наиболее ярким проявлением нового этапа кризиса явилось крушение золотого обращения в Англии. Падение фунта стерлингов — одной из двух мировых валют — отозвалось и на состоянии денежного хозяйства в другой крупнейшей державе капиталистического мира — САСШ. Таким образом две крупнейших мировых державы — Англия и Америка — оказались перед лицом весьма сложных хозяйственных и политических задач, связанных с начавшимся денежно-кредитным кризисом. Это обстоятельство сильно отвлекало их внимание от Дальнего Востока и в значительной мере развязывало руки японскому империализму для его захватнических выступлений в Китае.

С другой стороны, политическая обстановка, создавшаяся в связи с этим, давала возможность маневрирования в более широком, чем обычно, масштабе и для Франции. В интересах своей европейской политики Франция была готова поддержать захватнические планы японского империализма, чтобы получить его поддержку в деле осуществления своих стремлений к гегемонии в Европе. В результате такой позиции Франции японский империализм мог заранее рассчитывать на то, что он не встретит серьезных препятствий в своем выступлении на Дальнем Востоке с применением мер вооруженного насилия. В частности можно было надеяться, что Лига наций не предпримет реальных шагов даже для декларативной защиты прав Китая, так как руководящая роль Франции в этом почтенном учреждении и поддержка ее со стороны ее вассалов обеспечат Японии благожелательное большинство в Лиге наций.

О том, что японский империализм тщательно изучил международную обстановку и разведал возможное отношение главнейших держав к его вооруженному выступлению, свидетельствует ряд фактов. В настоящее время не подлежит

никакому сомнению что между Японией, с одной стороны, и Францией и Польшей — с другой, была известная договоренность относительно благожелательной позиции, которую займут последние в случае вооруженной интервенции Японии в Манчжурии. Тон французской печати с самого начала японской интервенции был определенно сочувственным по отношению к интервентам, а польская печать проявила определенную осведомленность о японском выступлении еще тогда, когда подробности о нем не успели разнестись по всему миру.

Таким образом расстановка сил на международной политической арене к моменту японского выступления была такова, что Франция и Польша были не только в курсе вооруженного выступления в Японии, но готовы были «морально» поддержать его. Что касается Англии, то хотя выступление Японии и задевало ее интересы (в частности на железной дороге Мукден—Бейпин), но ее общие с Японией классовые империалистические интересы и известное ослабление активности ее во внешней политике под влиянием обрушившихся на нее тяжелых ударов кризиса предопределяли нейтралитет ее и по отношению к японскому вооруженному выступлению.

Некоторую загадку для Японии представляла позиция САСШ — главнейшего конкурента Японии на Тихом океане и в Китае. Известная активность американской дипломатии в Китае за последние годы не могла не внушать опасений японскому империализму в смысле резкого отпора его захватническим планам со стороны Америки. Однако японский империализм рассчитывал на то, что резкость возможного американского выступления будет смягчена поддержкой Франции и пассивностью Англии.

Фактически японская интервенция в Манчжурии встретила со стороны великих держав то отношение, которое в значительной мере было результатом указанной расстановки сил в империалистическом лагере. Интервенция эта без сомнения обострила противоречия между империалистами, в особенности противоречия между Японией и Америкой. Несмотря на то, что американское правительство при первых известиях о вооруженном выступлении Японии в Манчжурии заявило об отсутствии противоречия между этим японским выступлением и пактом Келлога (т. е. что японская интервенция якобы не является войной), через несколько дней однако тон Америки по отношению к Японии стал более резким. С совершенной определенностью выявилось стремление американского империализма воспрепятствовать чрезмерному усилению Японии в Китае. Особенно раздра-

жало Америку стремление японской военщины и дипломатии наряду с оккупацией Манчжурии укрепить свое политическое влияние и в Центральном Китае, в частности японские интриги по укреплению кантонского правительства и ослаблению позиций Чан Кай-ши. Раздражение Америки выявилось не только в тоне американской печати, но и в ряде дипломатических и экономических выступлений, направленных к тому, чтобы оказать давление на Японию. В частности характерным явился известный американский меморандум[1] японскому правительству с изложением определенных требований относительно прекращения дальнейших попыток к расширению японской оккупации, а также январская нота САСШ, подчеркивавшая еще раз недовольство их распространением японской оккупации на юг. Еще более серьезное значение имели меры финансового давления Америки на Японию, в особенности выкачка из последней золота, приведшие Японию к отмене золотого стандарта. По некоторым данным, за время конфликта на Дальнем Востоке из Японии уплыло свыше 400 млн. иен золота.

Все эти обстоятельства со всей яркостью сигнализировали об обострении японо-американских противоречий в связи с японской интервенцией в Манчжурии. Они несомненно произвели серьезное впечатление и в Японии, которая не могла не считаться с возможным еще более серьезным противодействием со стороны Америки. Тот факт, что японское военное командование, намеревавшееся в первые же дни оккупации распространиться сразу же и на Северную Манчжурию и на район Бейпин-Тянцзин, несколько приостановило свои операции, в частности движение на Харбин, приходится между прочим ставить в связь с опасениями Японии обострить отношения с Америкой.

Однако противодействие американского империализма японской интервенции не пошло дальше вышеуказанных частичных попыток оказать некоторое дипломатическое и экономическое давление на Японию. САСШ, по всем имеющимся данным, не желали в нынешней запутанной и сложной международной обстановке развертывать борьбу против своего конкурента в слишком широком масштабе. Одним из важнейших факторов, который побуждал и побуждает империалистов откладывать разрешение острых противоречий между ними, является величайший рост Советского союза.

На этой почве в дальнейшем ходе японской интервенции

---

[1] Меморандум — дипломатический документ, излагающий взгляд правительства на какой-либо политический вопрос.

со стороны Америки все более и более выявляется выжидательная позиция и как бы готовность сторговаться с Японией за счет Китая и СССР.

Что касается Франции, то ее позиция, как это было уже условлено между японскими и французскими империалистами еще до начала интервенции, выявилась как доброжелательная по отношению к Японии. Это обстоятельство в полной мере сказалось на поведении Лиги наций за все время японской оккупации. Это пресловутое империалистическое «орудие мира» и на сей раз не только оказалось неспособным сделать что-либо реальное для дела мира, но определенно взяло под свое покровительство японских интервентов. На первом заседании совета Лиги наций, посвященном японскому выступлению, Лига вообще не приняла никаких решений, ограничившись тем, что было принято к сведению заявление японского делегата о якобы «мирных намерениях» Японии, и дело было предоставлено «доброй воле» обеих заинтересованных сторон, т. е. Японии и Китая. Другими словами, Лига открыто предоставила вооруженному до зубов японскому империализму грабить и насиловать слабый и раздробленный Китай. В дальнейшем, когда это скандальное поведение Лиги стало угрожать ее «престижу», а также в связи с давлением со стороны Америки, совет Лиги наций принял меры к тому, чтобы несколько замаскировать свою политику попустительства японским захватчикам. В конце октября 1931 г. он выносит пожелание (против голоса японского делегата Иосизавы) о том, чтобы к 16 ноября Япония вывела свои войска из оккупированных китайских местностей в полосу принадлежащей Японии Южноманчжурской железной дороги. Пожелание это ни к чему не обязывало японских оккупантов не только формально (так как пожелание это за отсутствием единогласия при голосовании не имеет обязательной силы), но и по существу. Услужливая печать и дипломатия французского империализма немедленно вслед за указанным постановлением совета Лиги наций повели кампанию за то, чтобы подчеркнуть в глазах Америки и общественного мнения всего мира «особые права» Японии в Манчжурии. За последнее время во французской буржуазной печати все более и более широко развертывается пропаганда в пользу Японии, которая рисуется в качестве «защитника цивилизации» против варварства и «коммунистической опасности» в Китае. Такого рода выступления французской печати не оставляют сомнений в том, что фактически французский империализм всячески стремится поддержать захватнические действия

своего союзника на данном этапе — японского империализма. Все разговоры в Лиге наций на тему об отводе японских войск из оккупированных районов Манчжурии являются не чем иным, как маскировкой и обманом широких кругов мирового общественного мнения во имя спасения престижа почтенной Лиги наций.

В декабре, а затем в феврале Лига наций еще более определенно стала на сторону интервентов. Согласно ее последнему решению послана комиссия Литтона для «изучения положения...», но не столько в Манчжурии, сколько во всем Китае, под углом зрения того, способно или нет китайское правительство обеспечить «порядок» в стране. Другими словами, под руководством Лиги подготовляется новый раздел Китая между империалистическими хищниками.

Таким образом отношение главнейших империалистических держав к японскому выступлению в Манчжурии позволило Японии провести свою интервенцию в самом широком масштабе, распространив ее не только на Южную, но и на Северную Манчжурию и создав для себя более прочную опору в лице своих ставленников. Насаждение этих ставленников продолжается как в Северной, так и в Южной Манчжурии, а равно и во Внутренней Монголии, причем все более определенно выдвигается план объявления манчжуро-монгольской монархии во главе с бывшим китайским императором из манчжурской династии Пу И. В ряде черт все эти события напоминают историю превращения Кореи в японскую колонию, которая первоначально была оккупирована японскими войсками, а затем и формально присоединена к Японии.

Как и теперь, империалистические державы, несмотря на их глубокие взаимные противоречия, не препятствовали тогда осуществлению захватнических замыслов японского империализма, приобретая для себя куски в других местах Дальнего Востока и действуя по принципу: «Ты будешь грабить на севере, я буду грабить на юге». Не исключена возможность применения этого империалистического принципа по отношению к Китаю и теперь, в особенности между Японией и САСШ. Нам неизвестны все закулисные комбинации империалистов и все стороны их тайного торга вокруг более слабых стран. Но не подлежит сомнению, что такие закулисные комбинации неустанно плетутся руками как японской, так и американской дипломатии, не остается безучастным при этих сделках и французский, а также и британский империализм. Цель этих сделок — найти выход из глубочайшего кризиса, поразившего капита-

листическую систему хозяйства за счет трудящихся масс своих и чужих стран.

Особого внимания заслуживает тот факт, что за последнее время американский империализм открыто провоцирует Японию на войну против СССР. Известная часть американской буржуазии смотрит на эту войну как на средство «смягчения кризиса» и способ получения «военных прибылей». Большую роль играет при этом стремление ослабить мощь Японии как главнейшего конкурента САСШ на Тихом океане. Точно так же и агитации японской и французской буржуазной печати и действия интервентов в Манчжурии все более определенно заостряются в сторону СССР. Советскому союзу приписываются явно вымышленные и вздорные обвинения в поддержке ген. Ма. Несмотря на очевидную клеветническую сущность этих сведений, они преподносятся советскому правительству в форме официального запроса японского посла. Четкий и не оставляющий сомнений ответ советской дипломатии не останавливает распространения и изобретения новых обвинений СССР в нарушении нейтралитета. Совершенно очевидно, что эти лживые обвинения призваны служит, во-первых, маскировкой для дальнейшего расширения сферы оккупации, во-вторых, целям создания единого фронта империалистов против СССР. Распространяя ими же сфабрикованные сведения о мнимых военных мероприятиях советского правительства, японские и французские империалисты этим самым пытаются подкрепить свой тезис о том, что империалистическая Япония является на Дальнем Востоке оплотом буржуазной цивилизации против коммунизма, т. е., проще говоря, ее интервенция направлена отнюдь не против других капиталистических держав, а исключительно против Китая и в дальнейшем — против СССР.

В настоящий момент необычайного обострения классовой борьбы в странах капитала и продолжающегося углубления противоречия между СССР — страной строящегося социализма — и загнивающим капиталистическим миром империалисты все больше стремятся к разрешению своих противоречий за счет рабочего класса и трудящихся масс и за счет СССР. Тенденция к этому ясно сквозит во всей политике империалистических держав за последний год. Растущая мощь СССР вынуждает капиталистов делать все более крупные ставки для борьбы против первого пролетарского государства. Мощь эта создает и для самих капиталистов угрозу в случае их нападения на СССР, в особенности в связи с нарастанием нового революционного подъема в ка-

питалистических странах. Все это чрезвычайно обостряет ненависть империалистов по отношению к СССР, но вместе с тем и заставляет их проявлять внешнюю сдержанность. В данном случае японские оккупанты, как и поддерживающие их империалисты других стран, не осмеливаются проявлять свою враждебность к СССР в резкой форме. Но не подлежит сомнению, что за кулисами империалистической дипломатии буржуазия всех стран ткет паутину новых заговоров против СССР и ищет выхода из кризиса за его счет. Только в свете этого фактора можно понять то обстоятельство, что японская интервенция в Манчжурии, несмотря на существование острых и сложных противоречий между империалистами на Дальнем Востоке, не сопровождается резким противодействием других держав, в частности Америки. Совершенно прав был т. Сталин, заявивший на XVI съезде партии о том, что всякий раз, когда обостряются противоречия среди империалистов, они задают себе вопрос: «нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия вместе взятые разрешить за счет СССР?» Это предостережение вождя нашей партии особенно уместно помнить теперь, перед лицом явно провокационных антисоветских измышлений мировой буржуазии в связи с японской интервенцией в Манчжурии.

Весьма показательной и характерной провокационной попыткой империалистов является обнаруженная недавно подготовка одним из европейских дипломатов (чехословацким дипломатическим чиновником Ванеком) покушения на японского посла в СССР с целью создать повод для вооруженного столкновения.

К той же категории относится покушение на германского советника при посольстве в Москве Твардовского, совершенное некими Штерном и Васильевым, действовавшими по поручению организации, связанной с Польшей.

Как видим, империалисты в своих антисоветских замыслах не брезгуют никакими средствами.

Не последнюю роль в антисоветской травле в связи с событиями на Дальнем Востоке играет и II Интернационал — этот агитпроп международной буржуазии и главная социальная опора буржуазии в рабочем классе. Все партии II Интернационала единодушны в обвинениях СССР в мнимом «вмешательстве» в конфликт и всецело поддерживают провокационные измышления империалистов. Социал-демократия Японии идет в этом отношении «в первых рядах» социал-фашистской клеветы и полностью оправдывает звание партия «социал-интервентов». Она ведет сейчас прямую под-

готовку к войне против СССР, пропагандируя в массах лживые «теории» о «перенаселенности» Японии и о том, что война даст облегчение в отношении безработицы, оживит хозяйственную деятельность и т. д. Она всеми силами стремится также сдержать протест против войны трудящихся масс Японии и предает японский пролетариат, организующий выступления против оккупации Манчжурии, на расправу буржуазно-помещичьей монархии.

ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Война японского империализма в Манчжурии создает прямую и непосредственную военную угрозу для СССР. Выявившееся единодушное стремление всех империалистов превратить эту войну в начало империалистической против СССР, воинственные настроения определенных кругов японской военщины, считающих нынешний момент наиболее подходящим для осуществления планов «великой и величайшей» Японии, сосредоточение вблизи границ Советского союза крупных военных сил Японии, лихорадочная работа по созданию в Манчжурии военного плацдарма, усиленные закупки Японией вооружений и военной техники за границей и усиленное производство их у себя, заготовки металлов, топлива и так называемого «стратегического сырья» (всего, что нужно для материального обеспечения войны), напряженное положение во всем буржуазном мире, усиленные военные приготовления не только на востоке, но и на Западе, особенно в странах французского военного союза (Франция, Польша, Румыния, Чехо-Словакия, прибалтийские государства и др.), участившиеся антисоветские провокации империалистических поджигателей войны (выступление в прессе и различные «выстрелы»), наконец оживление белогвардейского лагеря, мечтающего о создании на советском Дальнем Востоке «буферного государства» через разных Горгуловых, пытающегося вызвать пожар войны против СССР и проводящего вербовку в отряды белых для действий (под крылом империалистов) против СССР, — все это факты, характеризующие рост военной опасности для СССР в связи с войной на Дальнем Востоке. Но особого внимания заслуживает та борьба, которая идет внутри правящих клик самой Японии и которая сказывается в военных «заговорах», убийствах министров и банкиров и в смене правительственных кабинетов. Помимо вопросов о Манчжурии, о финансах и

смягчении кризиса, в этой борьбе важнейшее значение имеет и вопрос о войне против СССР. Известная часть японской военщины и финансово-промышленной буржуазии стремится форсировать выполнение давнишних планов японского империализма на советском Дальнем Востоке. В этой сложной и напряженной обстановке от трудящихся масс СССР и всего мира требуется особая бдительность.

Советский союз является единственным в мире государством, которое со всей искренностью и последовательностью проводит твердую политику мира и которое не принимает участия в каких бы то ни было вооруженных насилиях над слабыми народами. Эта политика мира и уважения права на самоопределение всех наций вытекает из самого существа советской власти.

Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. Советский союз полностью проявил это уважение к чужой независимости. Невзирая на явно провокационные и озверелые нападения китайской военщины на советские рубежи, СССР ограничился лишь коротким ударом против зарвавшихся милитаристов и не причинил никакого ущерба китайской независимости, хотя имел колоссальное военное превосходство над китайскими вояками.

На попытки империалистов спровоцировать СССР в связи с японской интервенцией в Манчжурии советское правительство отвечает политикой мира и полного невмешательства в конфликт. На лживые обвинения интервентов в мнимой поддержке китайских войск, якобы оказываемой СССР, оно ответило четкими и неопровержимыми разъяснениями, разоблачившими измышления империалистических писак и агентов. Справедливость этих разъяснений в последнее время вынуждена признать даже такая ярая антисоветская буржуазная газета, как английская «Дейли Мейль».

Политика мира, проводимая советским правительством, находит поддержку со стороны широких масс пролетариата и трудящегося крестьянства Советской страны и всего мира. Строители социализма проводят эту политику не потому, что они слабы и боятся империалистов, а, наоборот, в силу сознания величайшей силы побеждающего социалистического строительства и понимания его несравнимых преимуществ перед системой загнивающего капитализма. Стране строящегося социализма чужды завоевательные и воинственные намерения. Ее значение и роль для укрепления международного революционного движения определяется самим фактом величайших успехов социализма и усиливающимся загниванием капиталистического мира.

Вместе с тем СССР не может допустить и никакого посягательства на какую бы то ни было часть советской территории. В условиях усиленных военных приготовлений империалистов Советский союз должен уделять серьезное внимание своей обороне. В частности он не может оставить без внимания и тех военных угроз, которые создаются в настоящее время на Дальнем Востоке. Средства и силы Красной армии на Дальнем Востоке, в связи с последними событиями там, усилены. Война против СССР, к которой стремится определенная часть японской военщины, принесет последней жестокое разочарование.

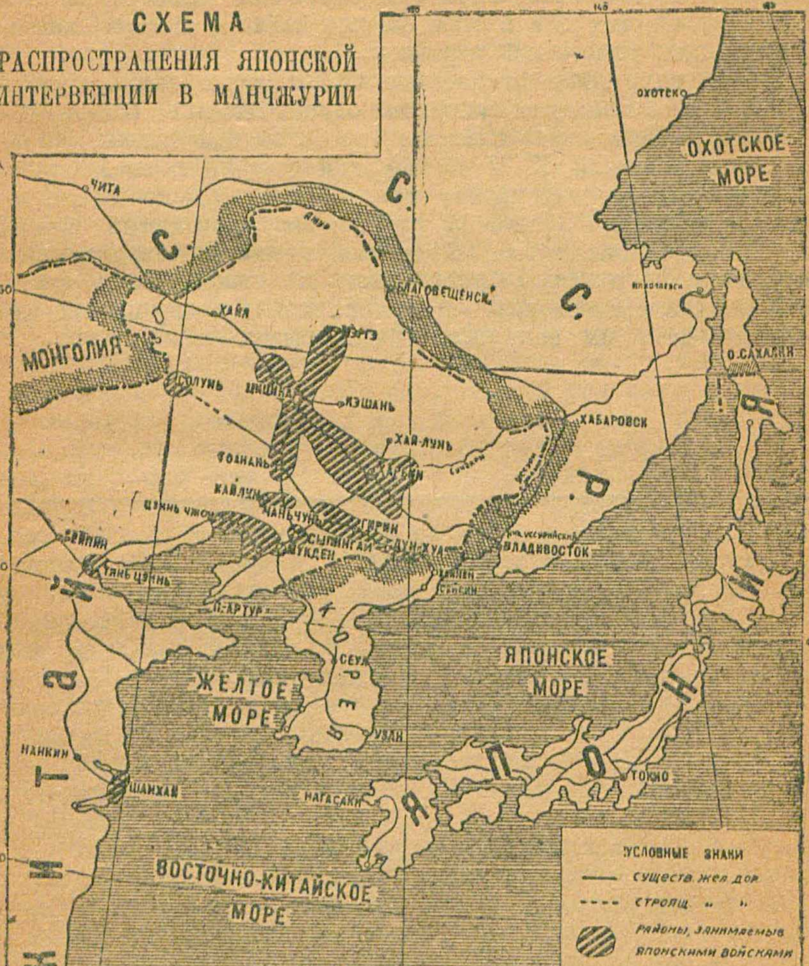
Японская интервенция происходит в момент усиления революционного движения во всем капиталистическом мире, нарастания предпосылок революционного кризиса в ряде стран и развития революционного кризиса в Китае. Обострение классовой борьбы в этих странах вызвано кризисом самой капиталистической системы и жесточайшей эксплоатацией пролетариата и крестьянства со стороны капиталистов, феодалов и военщины. В этих условиях японские интервенты, прибегающие к новым насилиям, грозят сами себе «посеять бурю», обостряя классовую борьбу и усиливая тяжесть положения трудящихся масс своей страны и Китая. Растущая сознательность обездоленных и разоренных кризисом, голодом и безработицей рабочих и крестьянских масс Японии может внести в дальнейшем большие «поправки» в планы империалистов. Еще в большей степени расчеты интервентов могут потерпеть крушение под напором широких масс порабощенного Китая, в котором революционные советские очаги разрастаются все шире и происходит небывалый подъем аграрной и антиимпериалистической революции. В оккупированной японскими войсками Манчжурии сейчас чрезвычайно усилилось партизанское движение. Манчжурский тыл становится для них все менее и менее надежным.

В самой Японии интервенция обостряет классовую борьбу и создает условия для активизации революционного движения. В широких массах рабочих и крестьян растет недовольство и все шире распространяются антимилитаристские настроения, которые проникают и в армию. В 9-й японской дивизии на шанхайском фронте была расстреляна целиком рота за антивоенные настроения, сотни солдат были отданы под суд как «неблагонадежные» и зараженные «опасными идеями». В японских войсках в Манчжурии был ряд случаев самоубийств солдат «в знак протеста против войны». Наблюдается также дезертирство. Эти незрелые формы сол-

датского протеста против войны несомненно в дальнейшем станут более организованными, и при затяжке войны японская армия все быстрее и быстрее будет подвергаться процессам разложения. Такая перспектива особенно угрожает интервентам в случае, если они осмелятся напасть на Советский союз, так как в этом случае война с самого начала примет ярко классовый характер.

Перед трудящимися массами СССР стоит как основная задача — неослабное и упорное осуществление плана социалистического строительства, борьба за выполнение исторических решений XVII Всесоюзной конференции ВКП(б). Успехи этого строительства наилучшим образом обеспечивают и оборону Советской страны от провокации и нападений империалистов. В то же время необходимо соблюдать и постоянную бдительность по отношению к антисоветским замыслам империалистов, чтобы в случае их нападения дать им сокрушительный отпор.

СХЕМА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В МАНЧЖУРИИ



Содержание

Предисловие 3
Что представляет собой Япония как империалистическая держава . 5
Экономическая заинтересованность японского империализма в Китае 11
Манчжурия и планы японского империализма 14
Конкуренты японского империализма в Китае 22
Кризис японского капитализма
и интервенция как попытка выхода из кризиса 25
Подготовка и начало японской интервенции в Манчжурии 29
Последствия японской интервенции для внутреннего положения Китая 31
Шанхайская авантюра японских империалистов 39
Отношение держав к японской интервенции 41
Война на Дальнем Востоке и Советский союз 48
Приложение
Схема распространения японской интервенции в Манчжурии 52

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)—ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ:

В. Махлин

Зарубежная кооперация и подготовка войны против СССР

48 стр., 25 коп.

Зарубежная кооперация и борьба против опасности войны. Слова и дела реформистских вождей кооперации. Кооперация в период „восстановления мира". Базельский конгресс Альянса 1921 г. о „борьбе" против опасности войны. От Базеля до Стокгольма. „Друзья" и недруги советской кооперации в „борьбе" против опасности войны. Начало экономического кризиса и Венский конгресс Альянса. Мировой экономический кризис и кооперация. „Разоружительная" конференция и зарубежная кооперация. Революционная оппозиция в борьбе против опасности войны.

Для массового читателя.

•

П. Дитрих

Рабочие социал-демократы о строительстве социализма

60 стр., ц. 35 коп.

Впечатления рабочих социал-демократических делегаций о социалистическом строительстве. Разоблачение социал-фашистской клеветы на Советский союз.

•

О. Фальк

Образы рабочих Германии

88 стр., ц. 60 коп.

Отдельные зарисовки германских рабочих на фоне экономического кризиса. Повседневная борьба за существование. Освобождение от влияния социал-фашистов.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗа

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)—ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ:

Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна

164 стр., ц. 1 руб.

Сборник документов и резолюций конгрессов и Исполкома Коминтерна.

Для руководящего партактива.

•

О. Пятницкий

Компартии на пути большевизации

48 стр., ц. 15 коп.

Большевизация компартий через преодоления социал-демократических традиций. Большевистские и социал-демократические формы парторганизаций. Постановка агитации и прессы в компартиях. Использование легальных возможностей.

Для партактива.

•

М. Бах

Мировой экономический кризис и революционный подъем

2-е издание, исправленное и дополненное.

(Печатается.)

Сопоставление двух систем: капиталистическая и социалистическая. Угроза интервенции СССР. Нарастание революционного подъема в странах капитала. Мобилизация мирового пролетариата на защиту СССР.

Для широкого партийного и советского актива.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗа

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)—ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ:

П. Поляк

Мировой капитализм в тисках кризиса

64 стр., ц. 30 коп.

Мировой экономический кризис: САСШ, Германия, Англия и Франция. Обострение мирового аграрного кризиса. Финансовый и валютный кризис. Кризис и положение рабочих масс. Нарастание революционного подъема.

Для актива.

•

Л. М. Волынский

Антисоветский союз шести. (Франция и ее союзники)

(Печатается.)

Антисоветский союз шести европейских государств под руководством французского империализма (Франция, Бельгия, Польша, Румыния, Чехо-Словакия, Югославия). Военная и политическая характеристика каждой страны, их зависимость от Франции. Противоречия внутри «союза шести». Роль белогвардейцев. Япония — седьмое звено «союза».

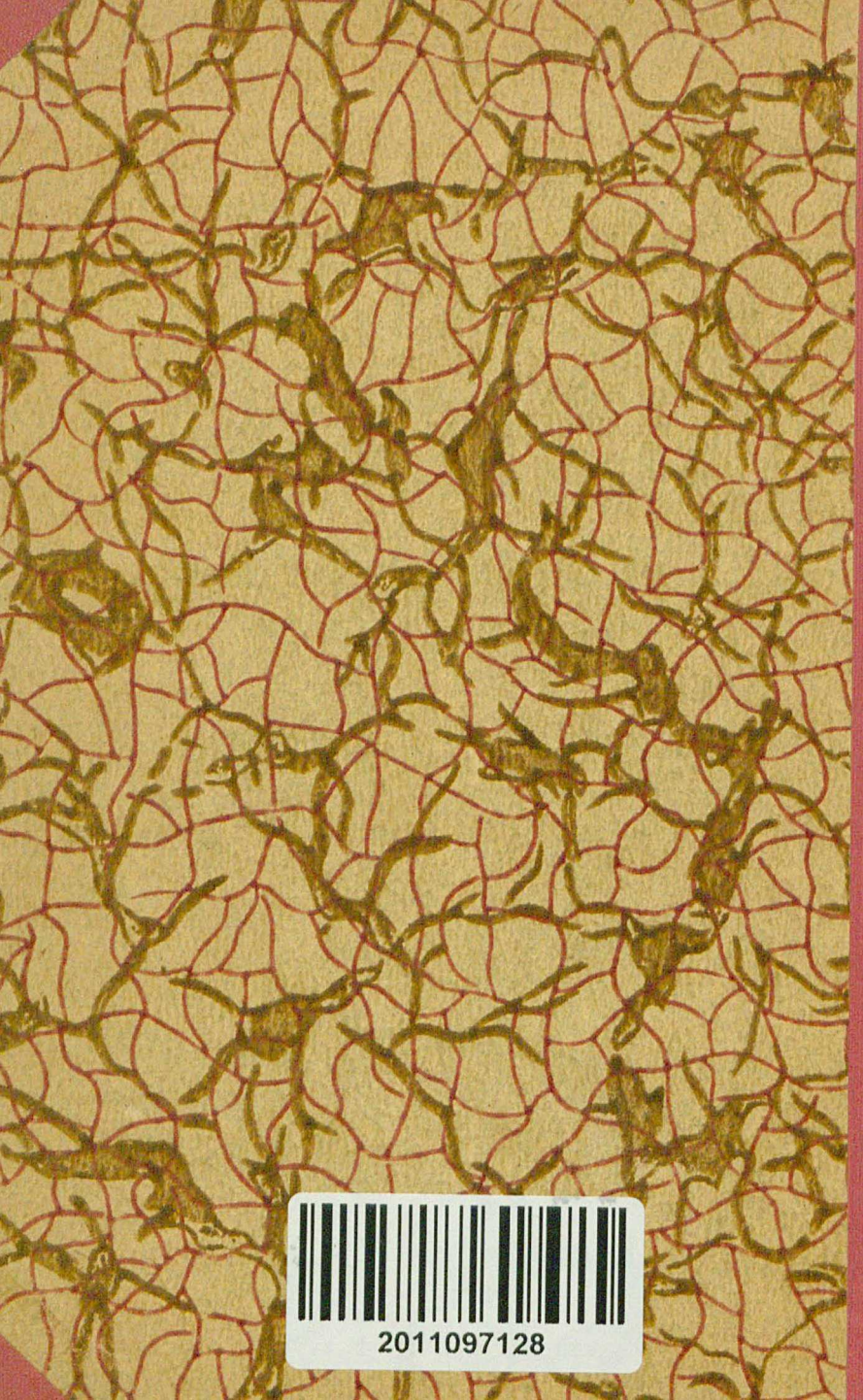
Для массового читателя.

•

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗа

25776

20 коп.


2011097128